58 4/32

Г 8 4/32

П. Богаевская.

ЗАМѢТКИ

О

СИБИРИ.

БРЯНСКЪ.
Типографія А. Арцишевскаго.
1895.

П. Богаевская.

ЗАМѢТКИ

О

СИБИРИ.

БРЯНСКЪ.
Типографія А. Арцишевскаго.
1895.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Н... ...ФР
№ 286622.
„...“ ..... 193 г.

Дозволено Цензурою Москва, 27 Іюля 1894 года.

Настоящія Замѣтки нѣкогда помѣщены были въ одномъ изъ провинціальныхъ изданій. Въ виду того интереса, какой нынѣ представляетъ далекая Сибирь, край въ высшей степени любопытный, предлагаемые наброски быть можетъ окажутся не совсѣмъ излишни. Продолженіе замѣтокъ выйдетъ въ слѣдующемъ году.

Авторъ.

ЗАМѢТКИ О СИБИРИ

Сибирь!.. Это слово производитъ на умы какое-то чарующее и вмѣстѣ съ тѣмъ тягостное впечатлѣніе; съ нимъ связывается понятіе о чемъ-то страшномъ и необъятномъ, о какой-то громадной ледяной могилѣ. А между тѣмъ—эта чудная, богатая, во сто разъ больше Англіи страна, съ разнообразнымъ населеніемъ, съ ея серебряными и золотыми рудниками и розсыпями, съ ея неистощимыми сокровищами металловъ—представляется для большинства чѣмъ-то сказочнымъ. Немного найдется странъ, представляющихъ собою столько новаго, оригинальнаго, любопытнаго, подобно нашей восточной окраинѣ, и въ то-же время едва-ли существуетъ страна, о которой-бы знали менѣе и имѣли болѣе смутныя и опредѣленныя понятія. Отдаленность края, его нетронутость, подавляющая природа, мрачное проявленіе стихій и трудность борьбы съ этою природою, какъ и сознаніе безсилія, чувствуемое неподготовленнымъ для борьбы обитателя Сибири съ многомъ о неизвѣстномъ и таинственномъ, всегда устрашающимъ, дѣйствительно заставляли видѣть въ этомъ краѣ нѣчто страшное, но эти предубѣжденія день ото дня разрушаются жизнью, и нынѣ уже приходится пожалѣть, что незнаніе мѣшало такъ долго

оцѣнить настоящее значеніе для государства столь обширнаго края.

Надобно прожить въ Сибири долго, заглянуть во всѣ отдаленные уголки ея, имѣть не только хорошее здоровье, но и соотвѣтствующее положеніе, чтобы хорошо познакомиться съ ея климатомъ, природою, съ внѣшней и внутренней жизнью; съумѣть стать близко къ сибиряку, заглянуть въ его душу, изучить его внутренній міръ. Сибирякъ носитъ на себѣ печать внѣшней сухости, сдержанности, скрытности чувствъ и крайняго недовѣрія.

Горный районъ Западной Сибири равняется пространству пяти европейскихъ Швейцарій, представляя при этомъ несравненно болѣе разнообразія. Въ ней тѣ же альпійскія озера, величественные водопады и вершины горъ, увѣнчанныя вѣчнымъ снѣгомъ.

Сибирь обладаетъ четырьмя первоклассными рѣчными бассейнами, которые могутъ уподобиться только величинѣ американскихъ рѣкъ, и богатствомъ притоковъ составляютъ сѣть воднаго сообщенія между Западомъ и Востокомъ. Совокупность всѣхъ четырехъ бассейновъ обнимаетъ 152.500 квадратныхъ миль, т.-е. $^3/_5$ всей Азіатской Россіи.

Природа Западной Сибири представляетъ крайнее разнообразіе. На обширнѣйшемъ протяженіи чередуются равнины, степи, огромная лѣсная полоса, а на югъ и востокъ огромные горные хребты.

Все пространство Западной Сибири равно 2.964.649 квадратнымъ верстамъ.* Раскидываясь отъ полярнаго

---

* По Ядринцеву: I, 1882.

круга до среднеазіатскихъ степей, эта страна заключаетъ всѣ климаты: отъ вѣчныхъ льдовъ до среднеазіатскихъ жаровъ, отъ безжизненной тундры и ледяныхъ пустынь до цвѣтущихъ благословенныхъ уголковъ у подножія Алтая, до роскошныхъ оазисовъ Чуйской долины и озера Исыкъ-Куля, до береговъ поражающаго южной растительностью Амура.

Меня давно тянуло въ Азію: Алтай манилъ своею дикостью, народъ—первобытностью, степи—безпредѣльностью, жизнь—своеобразностью.

Втораго февраля пришлось покинуть шумный Петербургъ и черезъ Оренбургъ направиться въ Западную Сибирь вплоть до ея границъ съ Китаемъ.

Втораго февраля, выѣхавъ изъ столицы, направили свой путь на Оренбургъ.

Городъ Оренбургъ, бывшій центральный правительственный пунктъ обширнаго и разнообразнаго во всѣхъ отношеніяхъ края, потерялъ свое значеніе, и нынѣ представляетъ собою печальные остатки прежней оживленной жизни. Въ прежнее время онъ находился на большой дорогѣ, ведущей изъ Европы въ Китай, но открывшаяся другая дорога и превращеніе Оби въ лѣтній путь отвлекли промышленность и этимъ совершенно уменьшили его торговое значеніе.

Одно изъ оригинальнѣйшихъ зрѣлищъ, поражающихъ европейца при въѣздѣ въ Оренбургъ—большое количество киргизовъ, въѣзжающихъ въ городъ: одни изъ

нихъ верхомъ на лошадяхъ, другіе верхомъ на коровахъ, третьи на верблюдахъ, иные въ крошечныхъ саняхъ, запряженныхъ верблюдами.

Послѣдніе двухъ различныхъ видовъ: одни двугорбые, другіе одногорбые, большіе и малые, сильные и изнуренные, но всѣ съ чудными выразительными, большими глазами. Почти у всѣхъ верблюдовъ черезъ ноздри продѣты веревки, замѣняющія повода. Послѣдній видъ производитъ тяжелое впечатлѣніе и до сихъ поръ никто не хочетъ запретить киргизу этотъ варварскій способъ запряжки.

Было 27° мороза. Бѣдное животное, созданное природой не для морозовъ, дѣлаетъ большіе зимніе переходы, питаясь скудною пищею и тяжело навьюченное...

Нынѣшній Оренбургъ, сильно пострадавшій отъ многочисленныхъ пожаровъ, сохранилъ еще нѣсколько большихъ каменныхъ зданій, особенно красивъ губернаторскій домъ, съ прекраснымъ садомъ. Городъ носитъ на себѣ уже степной характеръ, съ азіатскимъ оттѣнкомъ. Здѣсь пришлось запастись всѣмъ необходимымъ для дороги, и прежде всего экипажемъ.

Есть три рода саней для ѣзды по Сибири: одинъ совершенно закрытый, родъ кареты, и называется возкомъ, другой совсѣмъ открытый, обшитый войлокомъ, но ѣхать въ немъ крайне холодно; наконецъ третій— средній, т.-е. закрытый наполовину, какъ коляска. Мы остановились на первомъ, стоющимъ отъ 75—150 рублей. Имѣя съ собою большой запасъ мѣховой одежды,

пришлось запастись еще валенками, надѣвающимися на чулокъ безъ обуви, теплыми перчатками, оренбургскими пуховыми вещами, кое-какой провизіей, и тронуться въ путь на почтовыхъ...

Ясное утро; 28° мороза; въ воздухѣ полная неподвижность. Выѣхали на тройкѣ крѣпкихъ киргизскихъ почтовыхъ лошадей. Лихая тройка несла насъ съ удивительною скоростью (20 верстъ въ часъ). Движеніе саней изумляло своею легкостью и мягкостью. Дорога лежала прекрасная, ровная, снѣжная; мы скользили безъ шуму и усилій по ослѣпительному нѣжному ковру. Почтовый трактъ по всей Оренбургской губерніи въ большомъ порядкѣ, что впрочемъ и неудивительно, такъ какъ взимается плата по 4 копейки съ лошади за версту.

По всему нашему оренбургскому тракту казачьи станицы представляли особое отрадное явленіе. Чистенькіе, деревянные, зачастую двухъэтажные дома, нелишенные и наружной отдѣлки, заманчиво приглашаютъ отдохнуть. Внутри три-четыре комнаты, съ большими, выкрашенными масляной краской окнами, съ такими-же крашеными полами—полны удобства: мебель, посуда, картины, цвѣты, вязаныя салфетки, занавѣски свидѣтельствовали не только о довольствѣ и зажиточности, но и нѣкоторой культурѣ. Въ первой станицѣ есть церковь и школа. Всѣ почти казаки грамотные и у многихъ на столахъ красуются газеты и журналы въ большомъ изобиліи. Оренбургскій казакъ, признавая въ васъ равнаго себѣ, охотно разговариваетъ, затрогивая самыя разнообразныя темы. Онъ веселъ,

уменъ, грубъ, крайне практиченъ и лѣнивъ. Полное отсутствіе бѣдности, видъ довольства, доходящій подчасъ до роскоши, царитъ на всемъ; вездѣ чисто, и въ самой бѣдной хижинѣ такъ тепло и уютно, что совершенно незамѣтна ледяпящая окружающая атмосфера.

На почтовыхъ станціяхъ всегда и повсюду имѣется одна-двѣ большихъ свѣтлыхъ чистыхъ комнаты для пріѣзжающаго, самоваръ, приборы, тарелки и все, что необходимо для цивилизованнаго человѣка. Васъ никто не торопитъ. Бодрыя лошади всегда къ вашимъ услугамъ.

По всему оренбургскому тракту, вплоть до уральской станціи Гумберлинской, предлагаютъ оренбургскіе пуховые платки (шарфы, косынки и другія вещи) разныхъ величинъ и достоинствъ: есть бѣлыя, сѣрыя, тонкія и толстыя и въ большинствѣ замѣчательной дешевизны.

Правда, въ послѣднее время уже начали подмѣшивать къ пуху бумагу и шерсть, но такъ какъ такія вещи ничѣмъ не отличаются отъ чисто шерстяныхъ и пожалуй даже прочнѣе послѣднихъ, то нѣтъ бѣды, если вы ошиблись; большой платокъ, въ два-три аршина въ квадратѣ, стоитъ семь-восемь рублей, бѣлые дешевле; рисунки довольно разнообразны.

Продолжаю о Сибири. Знаю, что ничего новаго не скажу. Сибирь описывали многіе, и весьма подробно, но я пишу въ силу того, что сто человѣкъ могутъ видѣть одно и то-же мѣсто, и всетаки каждый будетъ описывать его посвоему.

Проѣхавъ живописнѣйшую станцію Гумберлинскую, расположенную въ отрасляхъ Уральскаго хребта, мы держали свой путь на города: Орскъ, Верхнеуральскъ Троицкъ, Петропавловскъ до Омска.

Отъ Гумберлинской до Орска три-четыре перегона. Ѣхали мы съ тою же скоростью (20 верстъ въ часъ), нисколько неусталые, нисколько неозябнувшіе. Ямщикъ, башкиръ, привставая, по обыкновенію, на козлахъ, даже и не гналъ своихъ лошадей. Прекрасныя лошади, развивая гривы по легкому вѣтру, неслись какъ птицы.

Дорога лежала ровная, гладкая; слышенъ только звонъ колокольчика, привязаннаго къ дугѣ и нарушающаго безмолвіе степи... Встрѣчныхъ саней попадалось мало; изрѣдка встрѣчались караваны верблюдовъ, изнемогающихъ отъ усталости, съ понуренными головами, съ трясущимся горбомъ, на которомъ сидѣли киргизы и зачастую крѣпко спали. Тутъ эти животныя показались мнѣ поэтическими и дѣйствительно заслуживающими названія «кораблей пустыни»: они мѣрнымъ шагомъ проходили огромныя пространства, оставляя за собою длинный слѣдъ въ этомъ океанѣ снѣга.

На протяженіи всего пути до города Орска мы не встрѣчали деревьевъ. Плоскій и ровный горизонтъ имѣлъ однообразный, ослѣпительной бѣлизны оттѣнокъ, и взглядъ не могъ остановиться ни на какомъ другомъ предметѣ, кромѣ дороги, извивавшейся какъ гигантская змѣя, впереди и сзади.

Орскъ—городъ совершенно степного характера, скорѣе похожъ на большую деревню. Нѣсколько широ-

кихъ, прямыхъ, правильныхъ и, конечно, немощеныхъ улицъ, одноэтажные деревянные дома заурядной архитектуры; изъ каменныхъ зданій—казармы мѣстной команды, тюрьма, казначейство, церковь; послѣднихъ кажется двѣ. Посреди города—большая базарная площадь да двѣ гостинницы, т.-е. два одноэтажныхъ дома, одинъ противъ другого. На вывѣскѣ одного изъ нихъ значилось: «Гостинница для проѣзжающихъ», на вывѣскѣ другого: «Гостинница для пріѣзжающихъ». Оба дома неказисты, даже грязны, оба ничѣмъ одинъ отъ другого неотличающіеся. Разницу этихъ двухъ вывѣсокъ ямщикъ не могъ намъ объяснить, и мы остановились въ домѣ «для проѣзжающихъ». Неуютно, грязно, скверно, хотя и тепло было въ этомъ пріютѣ для проѣзжающихъ; но дѣлать было нечего—мы устали, требовался отдыхъ... Это былъ нашъ первый ночлегъ послѣ Оренбурга.

При въѣздѣ въ городъ васъ прежде всего поражаетъ необыкновенный запахъ отъ мѣстнаго топлива навозомъ, который здѣсь идетъ не на удобреніе полей, а сожигается въ печкахъ; да и хорошо: не сожигай они всего этого, улицы, по которымъ даже въ зимнее время съ трудомъ проѣзжаешь, были бы покрыты навозомъ и разными отбросами.

Большинство населенія—башкиры, трудолюбивые, трезвые, честные, услужливые, добродушные, умные, спокойные, симпатичнѣйшіе изъ монгольскихъ народовъ.

Переночевавъ и отдохнувъ, мы, закутавшись въ свои теплые мѣха, тронулись дальше къ Верхнеуральску.

На этотъ разъ насъ поразило великолѣпіе утренняго разсвѣта въ степи. Термометръ показывалъ 28

градусовъ холода. На всемъ горизонтѣ ни облака. Опять потянулась однообразная степь, съ тою лишь разницею, что нѣсколько въ сторону отъ тракта, по рѣчкамъ, начинались киргизскія зимовки.

Отъ Орска до Верхнеуральска 314 верстъ. Этотъ городъ нѣсколько больше и наряднѣе. Отъ Верхнеуральска до Троицка 175½ верстъ. Троицкъ гораздо больше первыхъ двухъ, богаче, и славится своей обширнѣйшею торговлею (скотомъ) со степью. Всѣ эти города имѣютъ общій типъ, общій характеръ внѣшней и внутренней жизни. Отъ Троицка идетъ дорога на Олабужскую станицу, границу Оренбургской губерніи. Со станціи Песчаной начинается уже Степное генералъ-губернаторство Акмолинская область.

По всему этому тракту въ казачьихъ станицахъ прекрасные дома, хорошая домашняя утварь, много хлѣба и скота, словомъ полный, доходящій до роскоши, достатокъ.

Квартира одного почтосодержателя, бывшаго урядника, поразила меня своимъ убранствомъ: огромный залъ арками отдѣлялъ гостиную съ мягкою крытою бархатомъ мебелью; весь полъ большой комнаты—устланъ персидскимъ ковромъ; на столахъ газеты («Свѣтъ», «Нива»), журналы, на стѣнахъ картины, правда, олеографическія—преміи разныхъ журналовъ, но всѣ въ золоченыхъ рамахъ. Мы спросили самоваръ, намъ подали прекрасный чайный сервизъ, серебряныя ложки, щипцы, ситочко, салфетки, домашнее печенье, словомъ—все такъ, какъ вездѣ подается.

Самъ хозяинъ, бывшій урядникъ, красивый съ величавымъ видомъ старикъ, держалъ себя съ достоинствомъ, свободно и интересно говорилъ. Онъ на своемъ вѣку видывалъ много. Тутъ проѣзжали путешественники американцы, англичане, нѣмцы, французы, проѣзжали ученые, разныя административныя лица, проѣзжалъ и купецъ-эксплуататоръ Сибири, и золотопромышленникъ, и авантюристъ, ищущій разныхъ благъ въ Азіи, кулакъ, небрезгавшій никакими средствами наживы. Ко всѣмъ имъ казакъ присматривался, со всѣми разговаривалъ, да и самъ изъ своей жизни вынесъ немало. Онъ уменъ, словоохотливъ, хитеръ и далеко не всѣмъ доволенъ. Должно быть, такова ужъ природа человѣка: чѣмъ больше имѣетъ, тѣмъ больше хочетъ. Есть еще одна поговорка: «кому больше дается, съ того и больше спрашивается». Но этой поговорки казакъ не слыхалъ, не знаетъ—съ него и не спрашивается.

Его жизнь такъ благопріятно сложилась, что никакой почти зависимости онъ не знаетъ—живетъ себѣ въ свое удовольствіе. Однако на всемъ внѣшнемъ комфортѣ лежитъ слой неряшливости, такъ, напр., нѣтъ домовъ съ форточками, и вы можете зайти въ любую избу, въ любой зажиточный домъ, въ любой казачій палаццо, и васъ поразитъ особенно непріятный запахъ. Вы спрашиваете, еле дыша: что это за запахъ? и вамъ отвѣтятъ: это «жилымъ пахнетъ!»

Въ каждомъ домѣ и въ наиболѣе жилыхъ комнатахъ—спальнѣ или столовой имѣется подполье: это погребъ, съ открывающеюся въ комнату дверью. Тутъ, въ этомъ погребѣ, всю зиму, весну и осень—весь

годъ—складывается и гніетъ всякая яства, начиная съ капусты, квасу, соленой рыбы и мяса и кончая вареньемъ да наливками.

Относительно пищи можно сказать, что преобладаетъ болѣе мучнистая. Къ чаю, который пьется много разъ въ день, подаются пироги всевозможныхъ родовъ: съ мясомъ, рыбою, зачастую запеченой цѣлою, даже съ чешуей, съ ягодами, груздями, вареньемъ, ватрушки съ тыквой и творогомъ, аладьи, шаньги (булочки, смазанныя сметаной), кстати сказать—очень вкусныя; по праздникамъ вафли. Печется все это на разсвѣтѣ и ежедневно поѣдается въ несмѣтномъ количествѣ. Мясо, благодаря изобилію скотоводства, почти повсемѣстно составляетъ важнѣйшую часть питанія. На зиму его заготовляютъ впрокъ: кто солитъ, кто вялитъ, а кто сушитъ; нѣкоторые, болѣе зажиточные, просто замораживаютъ.

Во многихъ мѣстахъ создался обычай, при каждомъ удобномъ случаѣ, по нѣскольку разъ въ день находить предлогъ для ѣды; существуютъ: завтраки, паужины, ужины, и т. д.

Все это если и способствуетъ съ одной стороны хорошему питанію, съ другой—способствуетъ вялости, медленности психическихъ отправленій. Конечно, не всѣ живутъ одинаково богато, болѣе зажиточные принадлежатъ къ разряду торгашей, бывшихъ урядниковъ, почтосодержателей, и проч.

Тутъ я оставлю на время свой прямой путь на Петропавловскъ и Орскъ, и проѣду въ сторону, къ Челябинску и Златоусту, чтобы познакомиться съ этой,

самой богатой частью Оренбургской губерніи. Отъ станціи Звѣриноголовской по земской почтѣ и проселочной дорогѣ мы свернули на Челябинскъ и черезъ Міасскій заводъ до Златоуста, 395 верстъ.

Дорога идетъ все время по крестьянскимъ (за исключеніемъ трехъ-четырехъ казачьихъ поселковъ) деревнямъ. Села эти очень богаты, дома прекрасны, зачастую двухъэтажные и каменные, службъ мало, скота и хлѣба вдоволь. Въ крестьянскихъ домахъ, правда, нѣтъ газетъ и журналовъ, нѣтъ мягкой мебели и всякой прихоти, но за то полная чистота и опрятность; полы крашены и всегда вымыты, окна велики. Сами крестьяне—народъ привѣтливый и добродушный и далеко отставшій въ математическихъ способностяхъ отъ своего сосѣда-казака.

Челябинскъ—уютный, красивый, весь утопающій въ зелени городокъ. Послѣ южныхъ, крайне однообразныхъ городовъ, пріятно сразу очутиться въ оживленномъ и устроенномъ мѣстѣ, тутъ и мостовыя, прекрасные дома, освѣщенныя улицы, разнообразные магазины, булочни, кондитерскія, гостиницы; словомъ, вы очутились въ городѣ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно связанъ съ этимъ понятіемъ.

Челябинскъ—большой торговый пунктъ и составляетъ значительный центръ уѣзда, сильно населеннаго и зажиточнаго. Отсюда до Міасскаго завода дорога идетъ все время горами по живописнѣйшей мѣстности.

У подножія величественныхъ горъ, покрытыхъ вѣчнозеленымъ хвойнымъ лѣсомъ, расположился Міасскій заводъ. Это—цѣлый городокъ, съ правильными улицами,

съ чистенькими, нарядными домиками, съ церковью. Повидимому, всѣ условія жизни строго приноровлены къ характеру фабричныхъ нуждъ.

Выѣхали изъ завода. Было утро, восходящее солнце позлащало далекія снѣжныя вершины горъ. Долины, горы эти, по которымъ мы ѣхали, хвойные лѣса—все было окутано бѣлымъ, неподвижнымъ туманомъ. Надъ этимъ туманомъ небо приняло сначала алый, потомъ золотистый оттѣнокъ; наконецъ заблестѣло, какъ серебро, и наполнилось милліонами микроскопическихъ падающихъ внизъ кристалловъ.

Красоты Урала, сплошь почти покрытаго чуть не дремучимъ хвойнымъ лѣсомъ, представились во всей своей силѣ. Глубина тѣней при ослѣпительной чистотѣ и бѣлизнѣ снѣга—изумительна!

Подъѣзжая къ Златоусту, мѣсто становилось все разнообразнѣе, все живописнѣе и величественнѣе.

На самой высокой точкѣ мы остановились, вышли изъ саней; глазамъ нашимъ представилась чудная картина! Рѣдко гдѣ можно найти такія противоположности природы: позади насъ оставлена голая, необозримая, мрачная степь съ кочующимъ народомъ, патріархальная жизнь первыхъ временъ въ самой простѣйшей ея формѣ; а впереди—тѣнистыя долины, величественныя горы, воздѣланныя поля, фабрики, заводы, густота населенія. Уралъ со всѣми своими несмѣтными сокровищами!

Гдѣ бы тутъ человѣкъ ни поселился, къ его услугамъ широкое и разнообразное поприще для плодотворной дѣятельности.

Еслибы для жителей Урала отрѣзаны были всѣ пути сообщенія съ остальнымъ міромъ, еслибы онъ предоставленъ былъ самому себѣ, то его жизнь могла бы быть обезпеченной всегда; я говорю—могла-бы быть.

Житель Урала въ высшей степени утилитаристъ, и только необычайное богатство края и относительно легкая возможность эксплуатировать его природу привлекали сюда массу людей.

—

Съ крутой остроконечной горной вершины, подобно колоссальной змѣѣ, описывая величественную дугу огромнаго круга, спускается дорога къ живописнѣйшему озеру, воды котораго неподвижно дремлютъ среди ожпвленныхъ горъ. По берегу этого озера, въ глубокой долинѣ раскинулся красивѣйшій изъ городовъ Россіи—Златоустъ.

Вершины острокопечныхъ бесчисленныхъ утесовъ, выдающихся надъ озеромъ, съ бесѣдками, часовнями, фантастическими домиками, полускрытые въ тѣни деревьевъ представляютъ несравненное великолѣпіе!

Городъ, частью раскинутый по склонамъ горъ, прекрасно обстроенъ: хорошая мостовая, большіе хорошіе дома, фонтаны, рѣчки, причудливые мостики, перекинутые съ одной вершины на другую, отъ одного дома, пріютившагося на скалѣ, къ другому; словомъ, попадаешь въ такой волшебный уголокъ, съ какимъ можетъ поспорить не только угрюмая, хотя и величественная Финляндія, но и нашъ хваленый Крымъ и Кавказъ.

Мы осмотрѣли огромный Златоустовскій сталелитейный заводъ, пріобрѣли нѣкоторыя вещи, между прочимъ столовые ножи и вилки, своей красивой отдѣл-

кой и прочностью не имѣющіе себѣ подобныхъ; они, правда, нѣсколько дороги—отъ 11 до 24 рублей за дюжину, но за то долговѣчны, никогда не портятся и крайне оригинальны. Побывали въ магазинахъ—большихъ, каменныхъ, богатыхъ товаромъ; зашли въ храмъ—все прекрасно, все говорило о довольствѣ и изящномъ вкусѣ обитателей Златоуста.

Почтовая станція, на которой мы остановились, ничѣмъ не отличалась отъ любой гостиницы большинства нашихъ губернскихъ городовъ. Комнаты (ихъ было пять въ полномъ нашемъ распоряженіи) высоки, чисты, свѣтлы, порядочно убранныя, съ мягкой мебелью и зеркалами. Прислуга вѣжлива, расторопна, услужлива и даже неизбалована. Обѣдъ, по заказу, вкусный и дешевый.

Жаль было покидать этотъ чудный уголокъ; но такова уже доля путешественника: не засиживаться, не пристращаться. Намъ еще предстояло осмотрѣть окрестности Златоуста. Но у меня не хватитъ умѣнья словами передать всѣ красоты этихъ окрестностей, всю силу впечатлѣнія, вынесеннаго мною отсюда...

Окрестности Миньярскаго завода безподобны. Утесъ «Красный Камень», отражаясь въ водахъ рѣки Ситки, такъ грандіозенъ и до того обманываетъ зрителя, принимавшаго его за древній разрушающійся замокъ, что надобно подойти близко, чтобы убѣдиться, что это не замокъ, не колонны, не башни, а—скала, страшная, величественная, древняя, какъ сама природа.

Хотите видѣть вершины большаго, утесистаго, безлѣснаго Таганая ступайте на югъ, къ «Большому Гребню».

Захотѣли посѣтить каменоломни и работы въ шахтахъ—отправляйтесь къ «Красному Утесу», съ его восточной стороны. Вздумалось вамъ отдохнуть въ низменной мѣстности—отправляйтесь по рѣкѣ Юргазаны, близь Усть-Котовскаго завода. Пожелали увидать березовую рощу—отправляйтесь по рѣкамъ: Бердяшу и Тундушу. Не видали горной, съ каменистымъ дномъ, живописно извивавшейся среди хвойнаго лѣса рѣчки—идите въ горы «Большого Таганая», тамъ шумитъ «Большая Тисьма», а рѣка Симъ съ видомъ на «Синюю гору», въокрестностяхъ Миньярскаго завода, представляетъ чудную картину. Повсюду восторгъ и удивленіе.

Есть на землѣ такія мѣста, которыя будто принадлежатъ къ области миоа. Такова здѣсь природа, и впечатлѣніе, произведенное ею на меня, было такъ сильно, что навсегда будетъ источникомъ большаго наслажденія.

Я увѣрена только въ одномъ, что истинно страстные путешественники, не смотря на всѣ видимыя неудобства нынѣшняго пути, будутъ горько сожалѣть объ ѣздѣ въ саняхъ, на нашихъ ухарскихъ тройкахъ, и что вслѣдствіе желѣзной дороги еще одна страна утратитъ свой первобытный характеръ, не говоря уже о томъ, что легкость, съ которою можно все видѣть и вездѣ побывать, не даетъ времени во что-нибудь углубиться или изучить со вниманіемъ. Но я говорю о путешественникѣ; интересы же народа, ихъ благосостояніе—выше, важнѣе удовольствій, и потому вновь открытая и строющаяся тамъ желѣзная дорога является источникомъ экономическаго оживленія и средствомъ къ жизни въ ея лучшихъ формахъ.

Со станціи Песчаной начинается Западная Сибирь—Степное генералъ-губернаторство. Съ сѣвера граничитъ Тобольская губернія, съ востока Томская и провинціи Западнаго Китая, съ юга—Китайская имперія и Ферганская область, и съ запада Сыръ-Дарьинская и Тургайская области.

Въ административномъ отношеніи Степное генералъ-губернаторство состоитъ изъ трехъ областей—Акмолинской, съ областнымъ городомъ Омскомъ, Семипалатинской, съ городомъ Семипалатинскомъ, и Семирѣченской, съ городомъ Вѣрнымъ, расположенныхъ по всей восточной половинѣ Киргизской степи. Каждая область раздѣляется на пять уѣздовъ. Общее пространство исчисляется въ 1.275.174 кв. верстъ. Присоединено отъ Китая: по границѣ Семипалатинской области—10.754 и Семирѣченской — 11.410,7. Всего присоединено 22.164,6. Линейная дорога, петропавловско-семипалатинская, протягиваясь отъ земли оренбургскихъ казаковъ, идетъ не измѣняя восточному направленію до города Омска.

Отъ Песчаной до Петропавловска—12 станцій—260 верстъ. Отъ Петропавловска до Омска—13 станцій, 279 1/2 верстъ. Сдѣлали мы этотъ переѣздъ въ 530 верстъ въ двое сутокъ.

Кстати о почтовыхъ дорогахъ: всѣ почтовыя дороги пролегаютъ преимущественно мѣстами незаселенными, кочевками, по почвѣ по большей частью твердой, песчаной, глинистой, неподвергающейся скорой порчѣ въ ненастье, и въ сухую погоду степная дорога не

Гос. Историч. Научн. Б-ка
РСФСР
№
193 г.

уступаетъ хорошо шоссированной, разумѣется за исключеніемъ мѣстъ, пересѣкаемыхъ солончаками. Послѣдніе затрудняютъ обозъ во всякое время года; даже зимою покрывающій ихъ снѣгъ, какъ тамъ говорится, скоро «поѣдается», или образуетъ вязкую грязь; лѣтомъ такія мѣста всегда бываютъ болѣе или менѣе кочковаты. Въ первые осенніе и весенніе мѣсяцы, худшіе для движенія тяжестей, которое сильнѣе однако, нежели осенью—переѣзды замедляются во время таянія льдовъ, и могутъ даже совсѣмъ остановиться, пока не пройдутъ степные логи; такое время въ началѣ марта, иногда захватывая и апрѣль, продолжается обыкновенно болѣе двухъ недѣль.

Май—лучшій мѣсяцъ для степныхъ переѣздовъ въ томъ отношеніи, что въ это время всюду есть сочная трава и вода.

Зимою движеніе по всѣмъ безъ исключенія степнымъ дорогамъ, затрудняясь мѣстами сугробами, совершенно пріостанавливается во время бурановъ (снѣжныя метели), продолжающихся день, два, а иногда и недѣлю. Во время снѣжной метели, даже одиночно ѣдущіе киргизы останавливаются, пережидая непогоду, дабы она ихъ не застала. Трудно себѣ представить что либо ужаснѣе снѣжнаго бурана (я говорю снѣжнаго, потому что бываютъ лѣтомъ песчаные).

Слушая расказы о томъ, что въ пяти шагахъ отъ жилищъ люди замерзаютъ, не будучи въ состояніи попасть въ домъ, не хочешь имъ вѣрить, и потому мнѣ хотѣлось въ этомъ убѣдиться. Началя буранъ, я вышла на средину улицы и въ пятнадцати шагахъ отъ

лома простояла двѣ минуты; падающій снѣгъ, замерзая на лицѣ, препятствовалъ движенію; вотъ еще минута— вѣтеръ повалилъ меня, я встала и тотчасъ опять была сбита съ ногъ.

Убѣдившись въ полной несостоятельности какого-либо сопротивленія, придерживаясь за руку провожатаго, я поспѣшила въ домъ. Къ счастію бураны бываютъ не часто—три-четыре раза въ годъ. Песчаные бураны тоже крайне непріятны, но они не влекутъ за собою никакихъ опасностей, тогда какъ зимніе загоняютъ и истребляютъ втеченіе 6—8 часовъ тысячи головъ скота, доставляя такимъ образомъ обильный запасъ пищи и безъ того всегда сытымъ волкамъ. Эти послѣдніе истребляютъ ежегодно отъ одной до трехъ тысячъ головъ скота, и бѣдный киргизъ не въ состояніи бороться съ этимъ хищникомъ. Киргизъ, правда, любитъ ружье и прекрасно стрѣляетъ, но по бѣдности не въ состояніи пріобрѣсти сколько нибудь сносное ружье, а если кто изъ нихъ и имѣетъ, то самое допотопное, сто разъ передѣланное и зачастую со всѣмъ испорченное, а потому всего чаще киргизы употребляютъ другой способъ охоты, а именно: завидя волка, киргизъ одинъ (либо вдвоемъ) садится на своего лихого коня, гонитъ волка до изнеможенія, и когда этотъ послѣдній, выбившись изъ силъ, пристаетъ—убиваетъ его чѣмъ попало. Но разсказъ объ охотѣ впереди, теперь о дорогахъ.

Каждая почтовая станція сдается съ торговъ кому угодно, съ платою отъ казны на каждую пару лошадей отъ 150—250 рублей въ годъ. Охотниками въ почтосодержатели являются пока исключительно казаки.

Почтовая часть состоитъ въ вѣдѣніи тобольской почтовой конторы, и благодаря энергичной дѣятельности начальника почтово-телеграфнаго округа, г. Петчинскаго, держится въ замѣчательномъ порядкѣ.

Проѣзжій по частной или казенной надобности, гдѣ бы то ни было въ степи и на линіи, платитъ по $1^1/_2$ копейки за версту на каждую лошадь.

Эта зима была прекрасная, не особенно холодная, почти безъ бурановъ. До сихъ поръ не имѣется никакихъ, сколько нибудь точныхъ научныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно-бы было сказать о степномъ климатѣ болѣе опредѣленно, не общими фразами. Ни въ одномъ изъ степныхъ селеній, или казачьихъ станицъ, не производится атмосферическихъ наблюденій, по которымъ можно бы было судить объ особенностяхъ той или другой мѣстности, болѣе или менѣе видоизмѣняющей континентальность степнаго климата. Трудно себѣ представить что-нибудь хуже той обстановки, въ которой находится сибирская степь въ климатическомъ отношеніи.

Составляя южную часть Западной Сибири, она замкнута съ востока и юга обширнѣйшими возвышенными плоскостями и снѣжными отраслями Гималая, которыя препятствуютъ ей ощущать на себѣ благотворное вліяніе напитанныхъ экваторіальною влагою вѣтровъ Тихаго океана. Западные вѣтры, столь удаленные отъ Атлантическаго океана, также не могутъ смягчать ея климата. Остается самое неблагопріятное въ климатическомъ отношеніи Сѣверное море, отъ котораго степь мало того что ничѣмъ не защищена, но еще довольно замѣтно къ нему

спускается. Такое положеніе способствуетъ распространенію въ ней зимою — сильнаго холода и лѣтомъ — сильнаго зноя — какъ результатъ постоянной сухости воздуха.

Росъ — не бываетъ, а недостатокъ выпадающихъ здѣсь дождей и обиліе падающаго или приносимаго вѣтрами снѣга не можетъ уменьшить сухость; поэтому являются слѣдующія характеристическія особенности степного сибирскаго климата: 1) сухость воздуха, 2) быстрые переходы отъ высшей температуры къ низшей, 3) весьма значительное удаленіе крайнихъ градусовъ тепла и холода и 4) частые и продолжительные вѣтры, большею частью сопровождаемые метелями. Эти особенности свойственны всѣмъ широтамъ и долготамъ сибирской степи.

Время замерзанія рѣкъ начинается приблизительно съ конца ноября: вскрытіе — въ началѣ марта. Морозы отъ 25—30° и лѣтомъ жара въ 25° въ сѣверной половинѣ степи — не рѣдкость.

Дорога почти все время шла степью, хотя нѣсколько въ сторонѣ виднѣлись небольшія рощи.

Петропавловскъ, по виду ничѣмъ не отличающійся отъ остальныхъ, проѣханныхъ нами степныхъ городовъ, славится своею обширною торговлею со степью. На станціяхъ нельзя было найти никакой готовой пищи, но благодаря бывшей съ нами спиртовой кухнѣ, мы могли въ 10—12 минутъ приготовить: отличный бифштексъ, сварить макароны, молоко, кофе, и проч.

Одновременно съ нами, въ открытыхъ саняхъ, легко одѣтый, безъ всякаго багажа, ѣхалъ молодой человѣкъ, и входя на каждую станцію ломанымъ, едва понятнымъ языкомъ спрашивалъ „молiака, яйсы“, и нигдѣ этого не

оказывалось. Весь прозябнувшій, не имѣя даже при себѣ рому, пожимая плечами онъ съ грустнымъ лицомъ уходилъ, садился въ сани и ѣхалъ до слѣдующей станціи.

Оказалось, что это бельгіецъ, представитель одного большого торговаго дома въ Восточной Сибири, въ Хабаровскѣ (куда онъ ѣхалъ ревизовать торговлю), незнакомый съ Россіей и ея степными, зимними, сибирскими переѣздами, а потому не съумѣлъ запастись не только пищей, но даже и соотвѣтствующей теплой одеждой. Въ открытыхъ саняхъ (при 30° морозѣ и вѣтрѣ) вмѣсто валенокъ—сапоги, одна только шуба, и неповязанная башлыкомъ голова; тогда какъ мы, ѣдучи въ закрытомъ возкѣ, надѣвали по двѣ шубы, имѣли валенки (по сибирски пимы) на ногахъ, прикрывая ихъ лисьимъ и волчьимъ одѣялами, а на головахъ—мѣховыя сибирскія шапки. Помогая бельгійцу въ переводѣ съ русскаго языка—онъ произносилъ только четыре слова: „ліошади, деньги, моліака, хлѣбъ“, мы разговорились и пригласили его завтракать; кстати у насъ былъ готовъ прекрасный бифштексъ, макароны, нашлась соя, ромъ, коньякъ, соленая закуска, масло, сыръ, и проч. Все это изготовлялось въ какія нибудь 10—12 минутъ. Бельгіецъ поразился, что можно ѣхать по степи съ такими удобствами и даже не зябнуть, удивлялся своей несообразительности и никакъ не могъ понять, что деньги въ пути иногда бываютъ непригодны, и что съ ними также легко можно замерзнуть, какъ и быть голодному. Онъ остался крайне доволенъ завтракомъ и возможностью согрѣться. Его, видимо, гигантское здоровье все-таки страдало отъ холода.

Къ путешествію по степи надобно приготовиться, и ѣдущіе обыкновенно запасаются пельменями и щами; какъ то, такъ и другое замораживается. Замороженые пельмени довольно опустить въ горячую воду—и обѣдъ готовъ. Сибиряки и купцы запасаются мѣшками пельменей въ два-три пуда вѣсомъ и каждый съѣдаетъ ихъ заразъ по два-три фунта. Что-же касается щей, то ихъ варятъ очень густыми, съ мелко изрубленнымъ мясомъ, и тоже замораживаютъ, а затѣмъ, въ дорогѣ, по мѣрѣ надобности отрубаютъ соотвѣтствующее количество, разогрѣваютъ—и горячій обѣдъ готовъ.

Ни тѣмъ, ни другимъ мы не запасались, считая эту пищу тяжелой, да и было не для чего; вездѣ подъ рукою въ городахъ было мясо. Въ Петропавловскѣ мы дали человѣку 1 рубль, чтобы онъ купилъ намъ мяса для бифштекса. Онъ купилъ 21 фунтъ наилучшей вырѣзки, 1 фунтъ масла, нѣсколько булокъ, 2 фунта макаронъ и принесъ 50 копеекъ сдачи!

Бельгіецъ увѣрялъ, что такого прекраснаго бифштекса онъ нигдѣ и никогда не ѣлъ. Мы приписали это его голодному желудку, хотя и сами замѣчали удивительный вкусъ, мягкость и сочность мяса и какое-то особенное его качество. Потомъ уже спустя нѣкоторое время и вернувшись въ Питеръ, мы имѣли случай прослушать цѣлую лекцію о качествѣ всякаго мяса вообще и сибирскаго въ особенности. Оказывается, что сибирскій скотъ имѣетъ лучшее въ мірѣ мясо, но объ этомъ я буду говорить своевременно, а пока о бельгійцѣ, доѣхавшемъ съ нами до Омска. Онъ оказался очень образованнымъ, интереснымъ человѣкомъ. Его

поражала Россія своей безконечностью, неустройствомъ и полной безопасностью путешествующаго. Да и въ самомъ дѣлѣ: намъ попадались на встрѣчу кадеты и гимназисты 10—13 лѣтъ, ѣдущіе одни, безъ провожатыхъ, и всѣ они не находили никакихъ затрудненій, никакихъ непріятностей, не говоря уже о какой-либо могущей угрожать имъ опасности.

Вся степь оживляетъ молушками.* Онѣ бываютъ самыхъ разнообразныхъ величинъ, самой причудливой, и всегда красивой архитектуры.

Разсѣянные въ разныхъ частяхъ области, памятники старины являются въ видѣ кургановъ, древнихъ каменныхъ загоновъ для скота, глиняныхъ укрѣпленій, каменъ, башенъ и разныхъ другихъ каменныхъ, кирпичныхъ, глиняныхъ и деревянныхъ зданій, устроенныхъ надъ могилами давнихъ и нынѣшнихъ обитателей степи. Архитектура уцѣлѣвшихъ и развалившихся строеній, соединенныя съ этими памятниками древности сказанія киргизовъ и отчасти матеріалъ, изъ котораго возведены оставшіяся постройки, даютъ поводъ отнести ихъ къ тремъ разнымъ эпохамъ: одни принадлежатъ времени, предшествовавшему подчиненію степи Джунгарамъ; другіе являлись въ періодъ ихъ владычества; третьи послѣ паденія Джунгарскаго царства. Сказки и происхожденія этихъ памятниковъ—не преданіе, а плодъ живого воображенія новѣйшихъ киргизовъ трубадуровъ. Импровизаторы-пѣвцы объ одномъ и томъ же памятникѣ раз-

---

* Надгробные памятники на киргизскихъ могилкахъ. Киргизы хоронятъ своихъ умершихъ гдѣ попало, въ степи.

сказываютъ разныя исторіи; точно также они повторяютъ слышанныя ими отъ своихъ пѣвцовъ сказки, такъ какъ киргизъ вообще разнорѣчивъ въ показаніяхъ. Если молушка изъ хорошо обожженаго кирпича, то строеніе навѣрное принадлежитъ времени доджунгарскаго періода, потому что калмыки не умѣли такъ обжигать кирпича.

На сѣверѣ степи не встрѣчается могильныхъ зданій такой архитектуры, какая принята на югѣ. Чаще всего попадаютъ однѣ стѣны, съ готическими углами, но всегда безъ крышъ.

Между этими памятниками находятся многіе особенно почитаемые киргизами, такова, напримѣръ, могила Батакая, находящаяся на лѣвой сторонѣ рѣки Нуры, въ 27 верстахъ отъ ея устья. Въ стѣнахъ этой могилы—три большія ниши, и надъ каждою—три малыхъ; стѣны внутри выштукатурены и выбѣлены; онѣ очень величественны и красивы.

Копируя древніе памятники, киргизы складываютъ каменную, на извести, башню и дѣлаютъ на стѣнѣ зубцы изъ битой глины, скоро разрушающіеся, и памятникъ въ такомъ видѣ представляется какъ будто древнимъ зданіемъ. Вообще, про киргизскіе намогильные памятники можно сказать, что они, нарушая однообразіе степей, и наводя на предположеніе о давно минувшемъ и лучшемъ киргизской жизни, и сокращая монотонность степныхъ переѣздовъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительными примѣтами для распознаванія пути во время метелей, бурановъ и вообще степныхъ переѣздовъ.

19 февраля мы пріѣхали въ Омскъ. Ночь была свѣтлая, морозная, 38° Р. Наша лихая тройка весело въѣхала на большой дворъ Московской гостиницы. Здѣсь намъ приходилось прожить нѣсколько дней, отдохнуть и запастись силами для дальнѣйшаго пути, тѣмъ болѣе, что ближайшій городъ (если не считать Павлодаръ) Семипалатинскъ находился на разстояніи 728 верстъ. На этомъ пространствѣ именно въ февралѣ мѣсяцѣ бываютъ обыкновенно частые и сильные бураны. Между городомъ Семипалатинскомъ и Усть-Каменогорскомъ, въ горахъ есть даже спасательная станція Караджалъ, состоящая изъ домика и высокаго колокола. Въ 5—10 минутъ, въ зимніе время возокъ заносится снѣгомъ (всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ) и только по звуку колокола ѣдущій направляетъ свой путь.

Омскъ, второй по величинѣ городъ Западной Сибири, находится въ 602 верстахъ отъ Тобольска, въ 900 верстахъ отъ Томска и въ 3.268 отъ Петербурга. Мѣстность, на которой онъ расположенъ, степная, ровная и почти безлѣсная. Онъ отличается, какъ всѣ сибирскіе города, громадностью своихъ площадей и шириною улицъ, расположенъ между лѣвымъ берегомъ Оми (которая здѣсь впадаетъ въ Иртышъ) и правымъ Иртыша.

Обѣ части города соединены между собою «постояннымъ деревяннымъ мостомъ» (Подчеркнуты эти слова потому, что въ Западной Сибири нѣтъ вообще мостовъ, хотя рѣкъ и рѣчекъ много).

Городъ основанъ въ 1717 году и въ прежнее время находился на большой дорогѣ, ведущей изъ Европы въ Китай, но открытіе другой дороги, ближе къ сѣверу и обращеніе Оби въ лѣтній путь отвлекло промышленность и этимъ уменьшило его торговое значеніе.

Нынѣ—это лишь административный центръ и мѣстопребываніе степного генералъ-губернатора съ 40.000 населеніемъ. Здѣсь сосредоточены всѣ учебныя заведенія, а именно: сибирскій кадетскій корпусъ, техническое училище (очень хорошо поставленное и приносящее большую пользу населенію Сибири), мужская и женская гимназіи. При женской гимназіи пансіонъ, являющійся большой необходимостью для дѣтей пріѣзжихъ. Тутъ они живутъ подъ наблюденіемъ классныхъ дамъ и учительницъ, готовятъ свои уроки или подготовляются къ гимназіи.

Казачій пансіонъ, подготовляющій къ корпусу казачьихъ офицерскихъ дѣтей безплатно, содержится на казачьи войсковыя суммы.

Фельдшерская школа, учительская семинарія и затѣмъ средоточіе всѣхъ окружныхъ управленій. Къ красивѣйшимъ зданіямъ принадлежатъ: соборъ, казачья церковь, католическая церковь, мечеть оригинальной архитектуры и домъ генералъ-губернатора. Передъ балкономъ этого дома разбитъ городской скверъ, гдѣ часто играетъ музыка.

Лучшій изъ садовъ—казачій. Здѣсь два раза въ недѣлю (лѣтомъ) играетъ музыка и бываетъ гулянье съ платою за входъ по 5 копеекъ въ пользу Краснаго Креста.

Войсковой, казачій струнный хоръ славится во всей Сибири, да и не удивительно: въ рядахъ музыкантовъ казаковъ находится много обучавшихся въ консерваторіи (на суммы сибирскаго казачьяго войска), да и вообще хоръ обходится войску очень дорого, не говоря о большой заработной платѣ, дающей возможность не выпускать лучшія музыкальныя силы. Кромѣ этого хора есть еще другой—духовой.

Въ самомъ центрѣ города прекрасные магазины, каменные дома, огромная казачья библіотека и нѣсколько частныхъ. На правомъ берегу Оми расположена старинная крѣпость. Крѣпость эта относится къ тому давнопрошедшему времени, когда нужно было защищать городъ отъ кочевниковъ; нынѣ же представляетъ собою площадь, окруженную валами, съ оставшимися нѣсколькими каменными воротами. На площади соборъ и нѣсколько большихъ каменныхъ зданій, гдѣ нынѣ расположены войска и разныя военныя управленія. Вотъ тутъ-то, въ одномъ изъ этихъ каменныхъ зданій, одноэтажномъ, продолговатомъ, низенькомъ и былъ заключенъ поэтъ «Бѣдныхъ людей», авторъ «Мертваго Дома», «Униженныхъ и оскорбленныхъ», нашъ великій учитель Ѳ. М. Достоевскій.

Какъ извѣстно, послѣ сидѣнія въ крѣности города Омска, покойный Ѳ. М. былъ посланъ рядовымъ въ 3-й сибирскій, линейный батальонъ въ городѣ Семипалатинскѣ. Въ Семипалатинскѣ-же въ 56 году онъ былъ произведенъ въ офицеры, получивъ дозволеніе выйти въ отставку и поселиться въ Твери.

И нынѣ живетъ тамъ бывшій солдатъ и сослуживецъ его по батальону г. Кацъ, хорошо знавшій Ѳедора Михайловича, а на берегу Иртыша въ центрѣ города Семипалатинска вблизи губернаторскаго дома. среди развалившихся хижинъ, находится изба, тоже полуразвалившаяся, гдѣ по показанію нѣкоторыхъ, правда весьма немногихъ, жилъ нашъ великій психологъ Достоевскій.

Такъ все это было недавно, а между прочимъ еле (послѣ трудныхъ поисковъ) находятъ мѣста его пребыванія, и до сихъ поръ никто не позаботился отдѣлить, отличить это мѣсто отъ прочихъ—ни надписи, ни доски,—ничего! А между тѣмъ къ этому времени относятся его «Записки изъ мертваго дома», его «Униженные и оскорбленные». Тутъ нашъ великій писатель позналъ горе во всемъ объемѣ на себѣ самомъ, прочувствовалъ чужое несчастье, какъ свое собственное, тутъ научился горячо любить всѣхъ бѣдныхъ, умершихъ для общественной дѣятельности, но все еще живущихъ и чувствующихъ людей. Въ этихъ отверженцахъ, выброшенныхъ изъ общества въ далекія мѣста Сибири, провидѣлъ поэтъ человѣка, въ мертвыхъ прозрѣлъ жизнь и могучимъ словомъ пробудилъ въ злодѣѣ христіанское ученіе. Здѣсь онъ научился прощать и вѣрить въ русскій народъ.

Глубоко поучительна эта неумирающая вѣра въ человѣка, въ его душу. Безъ этой вѣры нѣтъ ничего прочнаго, истинно великаго. Эта вѣра неизмѣнно ведетъ къ всепрощенію, къ признанію правъ человѣческой личности, къ полному примиренію. Но перейду къ описанію города.

Омскъ отличается замѣчательной дешевизной; даже можно съ увѣренностью сказать, что подобнаго себѣ въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ. Въ немъ живетъ масса отставныхъ чиновниковъ и военныхъ, начиная съ коллежскаго регистратора и кончая генераломъ. Этимъ я хочу сказать, что всякій служившій когда-либо здѣсь, или случайно проѣзжавшій, хотя разъ, г. Омскъ, спустя много лѣтъ, покончивъ свои счеты со службой, изъ всѣхъ концовъ Россіи ѣдутъ на житье въ Омскъ. Тутъ—кромѣ суроваго климата, онъ находитъ все необходимое и за четверть цѣны, сравнительно съ Европейской Россіей—живетъ не только удобно, но и весело. Надобно прибавить, что для дешевизны жизненныхъ продуктовъ администрація принимаетъ всѣ мѣры, чтобы привозные продукты не попадали въ руки торговцевъ, а пріобрѣтались покупателями изъ первыхъ рукъ. Малѣйшее отступленіе отъ этого установленнаго порядка строго преслѣдуется. Базаръ въ праздничные дни заваленъ провизіей. Тутъ и рыба: стерлядь живая съ икрой по 10 копеекъ за фунтъ, осетрина 4—5 рублей за пудъ, окуни пятифунтовые; простая же рыба, какъ: нельма, судаки, максуны, сырки, и проч., продаются въ такомъ изобиліи, что пудъ доходитъ до одного рубля. Масло (и, конечно, не маргариновое—до этого сибиряки еще не дошли) сливочное и сметанное—по 4 рубля за пудъ. Дичи масса и цѣна самая ничтожная. 5 копеекъ пара курапатокъ, 6—7 копеекъ пара рябчиковъ, 26—30 копеекъ пара тетеревей. Въ городѣ имѣется даровая столовая, обязанная иниціативѣ и заботливости женѣ бывшаго губернатора г-жѣ Колпаковской,

доведшей ее до большихъ размѣровъ и прекраснаго порядка. Бѣдному дается большая чашка супу съ кускомъ мяса, а вечеромъ и утромъ кружка чаю съ хлѣбомъ. Всякій, имѣющій свидѣтельство отъ полиціи о бѣдности, получаетъ столъ даромъ, а неимѣющій таковаго платитъ три копейки. Кромѣ этого для бѣдныхъ есть богадѣльня и пріютъ, прекрасная городская больница, но нѣтъ дома для душевнобольныхъ (а такихъ въ Сибири мого). Положеніе послѣднихъ крайне печальное.

Омскъ—городъ чиновничій, живетъ двадцатымъ числомъ и ничего не производитъ. Тутъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ и никакой вообще предпріимчивости.

Лѣтомъ, во время навигаціи по Иртышу, городъ въ торговомъ отношеніи нѣсколько оживляется, привозится весь запасъ свѣжихъ товаровъ на зиму для степи, въ томъ числѣ и фрукты, которыхъ въ Западной Сибири, за исключеніемъ Семирѣчья—нигдѣ нѣтъ.

Кромѣ всѣхъ вышепоименованныхъ удобствъ, городъ не лишенъ развлеченій. Два клуба—военный и гражданскій, и оба процвѣтаютъ. Гражданскій клубъ посѣщается больше зимою (лѣтомъ-же военный, находящійся за городомъ, въ тѣнистомъ саду). Многолюдно, оживленно, просто и весело. Залъ клуба большой,—ярко освѣщенный и богато убранный,—глазъ отдыхаетъ на изящныхъ, хотя и простыхъ, дамскихъ туалетахъ.

Имѣется музыкально-драматическое общество и устраиваются нерѣдко вокально-музыкальные вечера, которые бываютъ всегда удачны и переполнены посѣтителями, знатоками и любителями музыки, не говоря уже о концертахъ и любительскихъ спектаклахъ, устраи-

ваемыхъ довольно часто и всегда съ благотворительной цѣлью. Въ городѣ имѣется театръ, гдѣ, кромѣ любительскихъ спектаклей, бываютъ представленія странствующей труппы.

Лѣтомъ—загородная роща съ вокзаломъ и лагерное военное собраніе съ прекраснымъ садомъ.

Большое удовольствіе доставлялъ публикѣ устроенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ верстѣ отъ города, ипподромъ для бѣговъ съ призами: два отъ губернатора, остальные—отъ общества конскаго бѣга.

Всѣ скачущія лошади киргизской породы,—разстояніе не менѣе 15 верстъ. Скачки бываютъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, и привлекаютъ массу публики.

Въ зимнее время, кромѣ блестящихъ и роскошныхъ баловъ у губернатора и другихъ лицъ, куда приглашается все интеллигентное высшее общество, кромѣ вечеровъ въ клубѣ, пикниковъ и загородныхъ гуляній въ сезонъ карнавала, въ большой модѣ маскарады или, правильнѣе, маскированные.

Эти послѣдніе въ маскахъ, большими компаніями, съ своей музыкой, отправляются на тройкахъ къ своимъ знакомымъ. Обыкновенно, желающіе принять маскированныхъ, ставятъ на окнахъ горящія свѣчи и это служитъ знакомъ, что маскированныхъ ждутъ. Хозяева радушно ихъ принимаютъ, подается чай и закуска; говорятъ, острятъ, интригуютъ, танцуютъ, а затѣмъ отправляются далѣе, къ слѣдующимъ.

Словомъ, жизнь Омска проходитъ весело и дружно. Общество, хотя и дѣлится на кружки въ болѣе интимной жизни, но все таки кружки, сходясь, веселятся.

Газеты въ Омскѣ не издаются, кромѣ «Областныхъ Вѣдомостей», хотя въ Омскѣ да и вообще въ Сибири читаютъ много; у жителей есть досугъ и достатокъ, а извѣстно, что безъ денегъ нѣтъ досуга, а безъ досуга нѣтъ и знаній.

Одно большое неудобство Омска заключается только въ суровомъ его климатѣ.

Такъ какъ со всѣхъ сторонъ онъ открытъ для сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, то зима начинается здѣсь съ первыхъ чиселъ ноября съ морозами, доходящими до 40 слишкомъ градусовъ. Холодъ бываетъ такъ суровъ при вѣтрѣ, что люди, имѣющіе необходимость оставаться долго на воздухѣ, тщательно закрываютъ свои лица, а бѣдные извощики надѣваютъ шерстяныя маски. Холода продолжаются до апрѣля, да и самое лѣто бываетъ крайне непріятно—пыль и жаръ до 35 градусовъ. Весны почти нѣтъ; Иртышъ вскрывается въ концѣ апрѣля; лучшій-же мѣсяцъ сентябрь,—вѣтеръ стихаетъ, жаровъ нѣтъ, уличная жизнь въ полномъ разгарѣ.

Покинувъ Омскъ—столицу Западной Сибири, гдѣ живется всѣмъ почти весело и хорошо, мы направили свой путь на Семипалатинскъ, отстоящій отъ Омска на 727 верстъ. Дорога, вплоть до Семипалатинска, идетъ по лѣвому берегу Иртыша.

Иртышъ—главный притокъ Оби, беретъ свое начало въ Большомъ Алтаѣ, въ китайскихъ владѣніяхъ. Сначала онъ течетъ на протяженій 300 верстъ до озера

Норъ-Зайсана, подъ именемъ Чернаго Иртыша, и на сѣверъ,въ 500 верстахъ ниже Тобольска, близь станицы Сатарово, вливается въ Обь. Протяженіе всего теченія Иртыша — отъ истока изъ озера Норъ-Зайсана по Семипалатинской области и Тобольской губерніи — 2739 верстъ. Онъ течетъ сначала, между горъ, довольно быстро; отъ Усть-Каменогорска протекаетъ по степной мѣстности, и на всемъ этомъ пространствѣ богатъ луговыми долинами. Отъ Торы до впаденія въ Обь Иртышъ течетъ среди лѣсовъ и болотъ, и изрѣдка лишь между холмистыми песчаными берегами.

На Иртышѣ стоятъ города: Омскъ, Семипалатинскъ, Павлодаръ, Усть-Каменогорскъ, Тора и Тобольскъ.

Для сплава Иртышъ судоходенъ на всемъ своемъ протяженіи, пароходы же доходятъ только до Семипалатинска, и то не все лѣто: съ 1-го мая до конца іюля, а иногда и раньше, по случаю мелководья, судоходство прекращается, доходя лишь до Павлодара. На всемъ остальномъ пространствѣ, т.-е. отъ Томска до Омска навигація продолжается до 1-го октября.

Сибирскіе пароходы очень хороши. Каюта 1-го класса помѣщается на носу; она состоитъ изъ уютнаго павильона, предназначеннаго для курящихъ, изъ отдѣленій мужской и дамскихъ каютъ и нѣсколькихъ маленькихъ, для двухъ и трехъ пассажировъ. Имѣются періодическіе журналы, книги, прекрасный буфетъ. На пристаняхъ пароходы стоятъ отъ трехъ часовъ до получасу. Тутъ на берегу, можно купить все почти необходимое изъ припасовъ—рыбу, масло, молоко, хлѣбъ, булки, и проч. Лѣтнее разстояніе водою гораздо длин-

нѣе, нежели сухопутною, такъ что торопящіеся проѣзжіе предпочитаютъ почтовый трактъ, опережая пароходъ на двое сутокъ. Это зависитъ отъ того, что сибирскіе пароходы глубоко сидятъ въ водѣ. Въ виду этого были бы удобнѣе плоскодонные, но для этого нѣтъ предпринимателей, какъ и вообще въ Сибири нѣтъ предпріимчивости.

Съ шестой отъ Омска станицы, а именно—съ Чарлаковской, начинается Семипалатинская область. Дорога идетъ по казачьимъ станицамъ. Всѣ эти станицы хорошо обстроены во всемъ виденъ полный достатокъ, доходящій до роскоши. Вся прислуга, а ее у сибирскаго казака много—киргизы.

—

Пасмурно, холодно, уныло, подымался небольшой вѣтеръ, чувствовалось приближеніе бурана. Подъѣхали къ станицѣ. Песчаной. Эта станица выдѣляется своею очень красивою церковью и разноцвѣтной окраской домовъ; пестрота удивительная! Подъѣхали къ станціи—уютный домикъ манилъ своей чистотой и комфоротомъ; захотѣлось нѣсколько отдохнуть и погрѣться; долго сидѣть въ закрытомъ возкѣ непріятно и тяжело.

Вошли въ небольшую, но теплую комнату. За столомъ, покрытымъ пестрой клеенчатой скатертью, сидѣла барыня въ дорожномъ элегантномъ костюмѣ.

Соболья шапка покрывала кокетливую прическу, моднаго покроя платье плотно обхватывало граціозную фигуру, брошь, изображающая княжескую корону, браслеты съ брелоками, ароматъ тонкихъ духовъ—все это, составляя необычное явленіе въ отдаленной глухой

стени, да еще въ зимнее время, когда безпрестанно приходится заботиться лишь о сбереженіи себя отъ холода и неудобствъ, невольно привлекло мое вниманіе.

На колѣняхъ шелковаго платья лежалъ носовой платокъ съ мѣткою Н. Д. и княжескою короною; такая-же корона особенно рельефно выдавалась и на бархатной оберткѣ записной книжки; барыня то закрывала, то открывала ее, что то въ ней разсматривая и соображая.

Я, можетъ быть, пристальнѣе, чѣмъ слѣдовало, всматривалась въ ея лицо. Оно было самое обыкновенное: продолговатое, средней полноты, очень бѣлое; глаза небольшіе, черные, быстрые, носъ большой, длинный, волоса съ синимъ отливомъ, лѣта неопредѣленные—при соотвѣтствующемъ свѣтѣ и цвѣтѣ—30-ти, безъ этого 45—48 лѣтъ.

Въ комнату вошла симпатичная старушка, казачка и, обратясь къ намъ, сказала: «лошади готовы».

Не успѣла она окончить этой фразы, какъ сидящая дама быстро встала и болѣе громко, чѣмъ слѣдовало, притомъ непріятнымъ голосомъ, сказала.

— Какъ готово, что готово, кому готово? Для васъ готово, а для меня ихъ совсѣмъ нѣтъ? Я уже часъ сижу и жду, а вы только что пріѣхали и для васъ лошади готовы! Вы не поѣдете, это несогласно съ правилами: я пріѣхала раньше васъ. Я занишу жалобу въ книгу; это невозможно, возмутительно... и, обращаясь къ старушкѣ, она прибавила:

— Васъ оштрафуютъ, накажутъ, — это самоуправство!

— За васъ онѣ отвѣчать не будутъ, но если-бы для насъ не оказалось лошадей, то онѣ отвѣчали бы вдвое.

— Какъ! вы мнѣ еще угрожаете?

— Не угрожаю, а хочу вамъ выяснить, что намъ, по распоряженію главнаго начальника края, вездѣ приготовляютъ лошадей безъ задержекъ. Мы ѣдемъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе, а тѣмъ болѣе ѣдущіе по частной подорожной.

Но барыня неслушала, все продолжая повторять:

— Невозможно, ужасно, безобразно.

— Если вамъ дѣйствительно очень нужно и вы имѣете особую надобность, мы уступимъ вамъ своихъ лошадей, — готовы содѣйствовать вашему скорѣйшему отъѣзду.

— Да, у меня крайняя, особенная надобность.

Вошелъ староста и доложилъ, что ѣхать нельзя, что подымается буранъ, что надобно выждать часъ-другой.

— И, можетъ быть, день — другой — третій, докончила я.

— Вы даже смѣетесь: вамъ какъ будто это нравится.

Буранъ дѣйствительно усиливался и ѣхать было крайне рисковано.

— Вотъ видите, сударыня, обратилась я къ ней: — судьбѣ угодно, чтобы мы съ вами еще поговорили. Въ сибирскихъ путешествіяхъ научаешься терпѣнію и спокойствію.

Но она неслушала и большими и скорыми шагами нервно ходила по небольшой комнатѣ. Вошелъ телеграфистъ и подалъ ей депешу. Порывисто распечатавъ ее и прочитавъ, лицо ея просіяло; повидимому, барыня успокоилась, и давъ рубль телеграфисту, заняла свое прежнее мѣсто у стола.

Мы приказали подать самоваръ. Она начала, обращаясь ко мнѣ:

— Вы что-то о судьбѣ говорили? Вы развѣ вѣрите въ судьбу?

— А вы нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ:—я слишкомъ стара для волшебныхъ сказокъ; я признаю умъ и волю. Человѣкъ—вѣнецъ созданія, долженъ все творить, разрушать и подчинять себѣ. А вы откуда и куда ѣдете?

— Я изъ Петербурга, и путь мой далекъ.

— Я тоже изъ П—ской губерніи. Первый разъ въ этихъ противныхъ дикихъ мѣстахъ, но путь мой близокъ. Не задержи они меня здѣсь, я бы уже приближалась къ г. Павлодару, и знаете, обидно, когда послѣ страшныхъ усилій, послѣ цѣлаго ряда борьбы и трудностей, какихъ нибудь два-три часа времени, 50—80 верстъ разстоянія, послѣ цѣлыхъ тысячъ измѣренныхъ верстъ, лишаетъ васъ всего успѣха, всего счастія. Я не могу терять ни одной минуты. У меня въ распоряженіи только 22 часа, втеченіе. которыхъ рѣшается для меня вопросъ «жизни или смерти».

— Вы, стало-быть, ѣдете къ больному, къ умирающему... ребенку, отцу, матери, брату, мужу?

При словѣ мужу, по лицу барыни пробѣжала злая улыбка, глаза нервно заморгали и на секунду устремились куда-то вдаль, но черезъ минуту остановились на записной книжкѣ, а затѣмъ, вдохнувъ ароматъ носоваго платка, она, какъ бы разсуждая сама съ собой, продолжала:

— Нѣтъ у меня мужа!

Слово это было произнесено съ особеннымъ удареніемъ.

— Нѣтъ дѣтей, нѣтъ братьевъ, нѣтъ отца и матери, нѣтъ прошедшаго, но есть будущее--оно для меня все на свѣтѣ, и всякая причина, отодвигающая меня отъ этого будущаго, становится злой и невыносимой, а вы знаете, что время—великое дѣло—даже образовалась поговорка: «часъ на все и все на часъ».

Я недоумѣвала.

— Вы куда-же именно ѣдете, спросила я уже прямо.

— Въ Семипалатинскъ, но главный пунктъ, къ которому я тороплюсь—г. Павлодаръ. Тамъ «онъ» меня ждетъ, встрѣтитъ и, навѣрное, еще болѣе меня боится потерять эти остающіеся намъ 22 часа.

— Послѣ которыхъ вы перестанете существовать что-ли, спросила я съ досадой. Мнѣ хотѣлось скорѣе притти къ разгадкѣ.

— Да, перестанемъ существовать для всего стараго и начнемъ новую жизнь.

— Вы получаете, вѣроятно, большое наслѣдство и ѣдете раздѣлить его съ «нимъ?»

— Нѣтъ, теперь у меня нѣтъ состоянія; оно давно прожито, да мнѣ богатство и ненужно; все мое счастіе въ «немъ»... въ моемъ женихѣ.

— Какъ! вы развѣ невѣста?

— Да, вотъ причина моей торопливости, и, вы знаете, послѣ завтра заговѣнье, торопиться нужно.

— Зачѣмъ-же вы такъ плохо расчитали время? Степное путешествіе—не ѣзда по желѣзной дорогѣ; тутъ легко ошибаешься на цѣлыя недѣли, всякихъ случайностей много.

— Нельзя было, много хлопотъ, разводное дѣло долго тянулось, нужны были документы. Они теперь здѣсь, у меня.

Говоря это, она указала на мѣсто нахожденія ихъ, какъ-бы провѣряя—дѣйствительно-ли они здѣсь.

— Вашъ будущій супругъ—сибирякъ?

— Нѣтъ, онъ только годъ какъ въ Сибири, занимаетъ выдающееся мѣсто, получилъ высшее образованіе въ Петербургѣ, молодъ—28 лѣтъ, красивъ, уменъ, съ большимъ будущимъ.

— Вы его давно знаете?

— Годъ не видѣлись, да два мѣсяца были знакомы—проѣздомъ черезъ нашъ городъ.

— А какъ смотрите вы на бракъ—какъ на начало или какъ на заключеніе жизни?

На бракъ я смотрю правильно. J'ai étudiél cette question во всѣхъ его деталяхъ. Первый мой мужъ умеръ, со вторымъ развелась, третій съ ума сошелъ и потому я съ нимъ разошлась—законъ въ такихъ случаяхъ за насъ.

— Вы были три раза замужемъ? — былъ мой естественный вопросъ.

— Да, и завтра обвѣнчаюсь съ четвертымъ, если этотъ противный буранъ не замучитъ меня.

Говоря это, она подошла къ окну, взглянула и радостно произнесла:

— А вѣтеръ стихаетъ, неужели ждать, неужели опять возобновится буранъ?

Мы посмотрѣли въ окно. — Дѣйствительно какъ будтобы стихло. Мы рѣшили, что ей ѣхать слѣдуетъ и, уступивъ своихъ лошадей, простились, пожелавъ всего наилучшаго въ будущей жизни.

— Я съ вами не прощаюсь. Вы, вѣроятно, завтра утромъ будете въ Павлодарѣ, и мнѣ-бы хотѣлось показать вамъ моего будущаго мужа.

Старушка-казачка отвела намъ чистую и уютную комнатку. Я улеглась на мягкой и чистой постели, расчитывая заснуть, но грустныя мысли разогнали сонъ — все видѣнное и слышанное невольно наводило на размышленія, на новые вопросы.

Неужели все это правда? И какой-же это бракъ, какая это связь безъ почвы, безъ глубокаго, сильнаго чувства, даже безъ знанія другъ-друга, связь на время, безъ размышленія, анализа, связь отъ хандры, отъ скуки. Неужели нынѣшній вкусъ ищетъ одной забавы?!

Да, человѣческая натура продолжаетъ оставаться загадкой. Она продолжаетъ дѣлать намъ сюрпризы и, по большей части, тогда, когда мы всего менѣе ожидаемъ ихъ. Она издѣвается надъ великимъ трудомъ

цѣлыхъ тысячелѣтій, издѣвается надъ воспитаніемъ и, въ особенности, надъ принципами, съ помощью которыхъ мы надѣемся уйти отъ ея вліянія или даже подчинить ее себѣ. Вопреки всѣмъ знаніямъ и сотнямъ философскихъ системъ, все дѣлаются глупости, тѣ старыя глупости, свидѣтелями которыхъ были чуть ли не первые, люди, и вся житейская мудрусть этого долгаго времени изощрялась только для того, чтобы побѣдить сердце. Да, болѣе всего безпокоитъ насъ это сердце, оно—причина нашихъ обманчивыхъ радостей и скорбей, часто разстраиваетъ самыя умныя соображенія и обращаетъ въ ничто наши вѣрнѣйшіе расчеты!

А между тѣмъ ни въ чемъ такъ не высказывается истинный, неподдѣльный человѣкъ, какъ въ своихъ чувствованіяхъ; ничто—ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражаютъ такъ насъ самихъ и наши отношенія къ міру, какъ наши чувствованія. Въ нихъ слышенъ характеръ всего содержанія души нашей и ея строя.

Свѣтало. Мы выѣхали со станціи Песчаной. Восходящее солнце бросало свои первые лучи на верхушки деревьевъ и куполъ церкви. Мало-по-малу исчезала позади насъ богатая казачья станица и величіе безпредѣльной степи становилось очевиднѣе.

Удивительно хороша безконечная снѣжная равнина при восходѣ и закатѣ солнца! Чистый воздухъ оживляетъ, перемѣна цвѣтовыхъ оттѣнковъ и освѣщеній такъ разнообразна, что чувствуешь себя подкрѣпленнымъ какъ физически, такъ и нравственно. Отъ всѣхъ, кто только познакомился со степью, я слышала всегда

одинъ и тотъ же благопріятный о ней отзывъ. Степь нравится настолько же, насколько нравится пребываніе на очень высокой горѣ, на которой хотя и ничего не растетъ, но чистый воздухъ и преломленіе свѣтовыхъ эффектовъ дѣйствуютъ благотворно.

Удивительно хорошо! И по нынѣ живо остались въ памяти всѣ атмосферическіе феномены, съ метелью, трескучимъ морозомъ, ясной зарей на горизонтѣ, съ чудными, свѣтлыми ночами, какихъ нѣтъ въ Европѣ, съ удивительной прозрачностью воздуха!

До города Павлодара намъ оставалась 121 верста. На всемъ этомъ пространствѣ мы не встрѣтили ни одного путника, ничего, что бы напоминало о существованіи человѣка, кромѣ вдали виднѣющихся, но засыпанныхъ снѣгомъ киргизскихъ юртъ да нѣсколькихъ волковъ, поодиночкѣ разгуливающихъ шагахъ въ 200 отъ насъ (всѣ они были убиты тутъ же, прямо съ саней, моимъ мужемъ), да стая коршуновъ, жадно ищущихъ добычи, которую послѣ бурановъ въ изобиліи находятъ эти хищники.

Было пять часовъ вечера; стемнѣло. Мы подъѣхали къ Павлодару; остановились, по обыкновенію, у почтовой станціи. Вошли въ красиво убранную, съ мягкой мебелью и большими зеркалами, комнату. На столахъ, стульяхъ, диванахъ, окнахъ — вездѣ были разложены чемоданы, коробки, несессеры, корзинки и разныя другія дорожныя вещи. На столикѣ знакомая мнѣ записная бархатная, съ княжескою короною, книжка и въ стаканѣ нѣсколько живыхъ цвѣтковъ резеды и

левкоя. Полъ покрытъ большимъ восточнымъ ковромъ, много зажженыхъ свѣчей, двѣ-три лампы.

Я сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, предполагая, что по ошибкѣ зашла въ чужую квартиру. Но меня тотчасъ-же остановилъ староста казакъ, начавъ скороговоркой разсказывать, что здѣсь остановились молодые и въ данную минуту вѣнчаются въ соборѣ, что женихъ два дня ждалъ невѣсту, ѣдущую изъ Россіи, томился, скучалъ, боялся, торопился, и проч. Этотъ разсказъ, съ прибавленіями, конечно, продолжался бы долго, если бы я не прервала его просьбой отвести мнѣ на полчаса ихъ собственную комнату, чтобы оставить въ ней свои шубы, а сама поторопилась въ близь находящуюся церковь посмотрѣть, главнымъ образомъ, на жениха, а невѣсту я знала уже со станціи Песчаной.

Въ бѣдно и тускло освѣщенномъ храмѣ, безъ нѣвчихъ и присутствующихъ, стояли молодые. Старикъ-священникъ тихо и внятно совершалъ обрядъ вѣнчанія.

Лакей жениха, старый слуга молодого барина—держалъ вѣнецъ. Молодая была въ простомъ сѣромъ дорожномъ платьѣ, а женихъ—въ блестящемъ шитомъ мундирѣ. Его стройная гибкая фигура, изящество движеній, матовый, необыкновенно нѣжный цвѣтъ лица, удивительная глубина большихъ синихъ глазъ—безспорно могли остановить вниманіе каждаго. Эти глаза, полные любви и вѣры, поминутно останавливались на прекрасно написанномъ образѣ Спасителя: въ нихъ не было ни страха, ни сомнѣній. А она?.. Лицо ея поминутно мѣнялось, но его молодому мужскому сердцу оно ничего не говорило. Онъ не могъ услѣдить отмѣченныя

въ немъ отдѣльныя ступени, роковыя грани, давно пройденныя, давно отжитыя этою женщиною.

Рука ея, державшая свѣчку, дрожала все сильнѣе и сильнѣе. Она часто оглядывалась, точно боясь, что вотъ сію минуту войдутъ и захватятъ ее на мѣстѣ преступленія. Лицо становилось все мрачнѣе, все задумчивѣе: мысли, видимо, блуждали далеко, можетъ быть, перебирая недавнее прошлое, пожалуй еще незабытое.

Говорятъ, что нѣтъ горя, которое не забывалось-бы. Я полагаю, что это вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ сбережетъ самого себя, свою душу, если онъ остался вѣренъ своему Богу. Но никогда и никѣмъ не забывается та ни съ чѣмъ несравнимая мука, которая заставляетъ метаться по землѣ подъ ударами возставшей совѣсти. Нѣтъ силы, которая могла бы спасти отъ власти собственнаго сознанія, кинувшаго мгновенный, неумолимый свѣтъ на совокупность всего сокровеннаго, всего неназваннаго. «Будутъ-ли они счастливы?» —мысленно задавала я себѣ вопросъ. Говорятъ, что нельзя впередъ угадать жизнь, нельзя расчитать, какія бѣды грозятъ человѣку, какія удачи ждутъ его впереди.

Всему на свѣтѣ можно пойти на встрѣчу, закрывши глаза, если рядомъ вѣрный другъ и надежный товарищъ. Отъ всего легко отказаться, когда дома ждетъ ежеминутное счастье, миръ и ладъ... Можетъ быть, она съумѣетъ дать ему такую жизнь, съумѣетъ не связывать никакими условіями и обязательствами... хотя контрастъ лѣтъ и впечатлѣній, контрастъ всего пережитаго—слишкомъ замѣтенъ, слишкомъ великъ, а жизнь строга,—и когда искусственныя и сложныя условія

человѣческаго существованія деспотически извращаютъ простой и прекрасный планъ міровой гармоніи, ея попранные законы мстятъ за себя не тѣмъ, такъ инымъ путемъ.

Не ожидая окончанія обряда, я поспѣшила выйти незамѣченной. Въ душѣ поднималось странное ощущеніе безвыходности, непзбѣжности всего, что только-что совершилось...

Я вернулась на станцію; лошади были готовы и мы поторопились покинуть Павлодаръ. Ночь была чудная, свѣтлая, звѣздная, и видъ одинъ кругомъ, какъ саванъ бѣлый.

„Равнина снѣжная легла со всѣхъ сторонъ!
Казалось, землю всю могильный объялъ сонъ...
Въ безмолвіи тонулъ нашъ слухъ оспротѣлый...
Внизу—и мракъ, и сонъ, а тамъ, надъ головою,
Въ прозрачной глубинѣ, надъ ризой золотою,
Волшебной жизнію дышали небеса...
Таинственный, безмолвный, неизвѣстный
Мирьядами огней сіялъ чертогъ небесный;
Въ чертогѣ томъ свершались чудеса ..
Мнѣ чудилось, что тамъ, въ невѣдомомъ просторѣ,
Небесные міры собрались на совѣтъ,
Одна звѣзда другой передавала свѣтъ,
И всѣ сливались вдругъ въ одномъ лучистомъ хорѣ.
И тайна вѣчная предстала предо мной
Неумолимая, полна грозы нѣмой;
Несчетной бездною очей она смотрѣла,
Какъ будто свѣтомъ ихъ весь міръ объять хотѣла,
Чтобъ затопить его бездонною ихъ тьмой!
И я стоялъ предъ ней отъ ужаса нѣмой,
Стоялъ безпомощный безсильный, какъ пигмей,—
И стало страшно мнѣ за міръ и за людей“...

Однообразной снѣжною степью ѣхали мы все время (не считая станицъ-остановокъ) до Семипалатинска областного города, гдѣ предполагали остановиться подольше, а если хорошо—и пожить всю весну и лѣто. Отъ Павлодара до Семипалатинска 337 верстъ.

Павлодаръ по виду скорѣе похожъ на большую станицу, чѣмъ на городъ съ полуторатысячнымъ населеніемъ. Онъ, впрочемъ, имѣетъ важное значеніе, какъ мѣсто торговли съ киргизами. На берегу Иртыша пристань и масса сложенныхъ подъ навѣсами кожъ, шерсти и другого сырья.

Имѣется прогимназія, почтово-телеграфное учрежденіе, казначейство, нѣсколько церквей и докторовъ и изъ войскъ—мѣстная команда.

По всему пути, вдали отъ Иртыша и дороги, видѣлись киргизскія зимовки. Вся Семипалатинская область населена, по преимуществу, киргизами.

КИРГИЗЫ.

Я хочу нѣсколько подробнѣе остановится на этомъ народѣ, самомъ многочисленномъ и самомъ оригинальномъ (по особенностямъ кочевой жизни) изъ всѣхъ народовъ Средней Азіи.

Кочевой образъ жизни народа есть слѣдствіе территоріальныхъ особенностей степи, способствующей разведенію домашняго скота и болѣе или менѣе препятствующей развитію всѣхъ остальныхъ отраслей промы-

шленности. Киргизы—народъ издревле-кочевой. Слово «киръ» значитъ поле, «гизъ» или гезъ—корень слова гизмельтъ (странствовать). Слово киргизъ значитъ по турецки: человѣкъ, странствующій по полямъ,—номадъ, ведущій пастушескую жизнь.

Около 850—946 гг. по Р. Х. киргизы составляли сильное царство. Ханы ихъ вели безпрестанныя междоусобныя войны и набѣги. Ихъ предки властвовали надъ обществомъ, и хотя общество это представляло не одинъ народъ, но совокупность различныхъ народностей и при томъ такихъ, которыя, убѣгая отъ притѣсненія прежнихъ своихъ повелителей, входили въ новый союзъ добровольно — численностью превышало многихъ другихъ сплеменныхъ обитателей степей. Народъ этотъ очень давно извѣстенъ въ Азіи и не уступаетъ въ древности другимъ азіатскимъ народамъ. До нашего съ ними столкновенія, мы о нихъ ничего положительнаго не знали. Разсказывается много басенъ о нравахъ и прежней жизни киргизовъ, слышихъ у китайцевъ подъ именемъ хакасовъ (618—907 гг. по Р. Х.), о томъ, что эти хакасы имѣли письмена, вели значительную торговлю съ аравитянами, бухарцами и другими западными народами, но, надо полагать, эти сказанія очень преувеличены или — плоды фантазіи восточнаго человѣка, любящаго хвастаться храбростью и разными доблестями. Трудно опредѣлить точную цифру киргизовъ, но, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ ихъ около двухъ милліоновъ, а съ живущими въ Туркестанѣ, Бухарѣ и, главнымъ образомъ въ Китаѣ—около 5 милліоновъ.

Когда спрашиваютъ киргиза о числѣ его народа, онъ всегда, смѣясь, говоритъ: «сочти сперва песокъ въ степи, а потомъ насъ—киргизовъ». Не буду касаться исторіи киргизовъ Кайсацкаго царства—она подробно составлена Вельяминовымъ-Зерновымъ; скажу лишь, что перевороты, происходившіе въ мірѣ втеченіе сотенъ, можетъ быть тысячъ лѣтъ, внесли очень мало измѣненій въ бытъ киргизовъ. Въ этомъ народѣ сохранилась вѣрная картина обычаевъ и нравовъ древнихъ туранскихъ племенъ, составляющихъ такое огромное смѣшеніе недостатковъ и добродѣтелей (послѣднихъ у киргиза больше).

Киргизы кажутся европейцу удивительными существами,—и, въ самомъ дѣлѣ, странны люди, неутомимо переходящіе съ мѣста на мѣсто, въ палящій зной и глубокіе снѣга; люди, почти незнающіе хлѣба, живущіе преимущественно молокомъ и мясомъ, и притомъ всегда впроголодь. Киргизъ смотритъ на людей, живущихъ въ городахъ, какъ на больныхъ или сумасшедшихъ, и смотритъ съ состраданіемъ.

Несмотря на то, что Сибирь была когда-то болѣе инородческой колоніей, что она пестрѣла инородческимъ людомъ и племенами, судьбѣ этихъ племенъ мало удѣлялось вниманія. Когда русское населеніе явилось на востокъ, инородческое царство было обширно, а русское населеніе—слабо. Нынѣ русская народность раздвинула міръ инородцевъ и водворилась въ Сибири, она получила даже нѣкоторый численный перевѣсъ; тѣмъ не менѣе инородческій вопросъ остался, попрежнему, живучимъ.

Районъ размѣщенія инородцевъ не остался тотъ-же самый, какъ до появленія русскихъ, онъ все болѣе и болѣе съуживался и, наконецъ, явился довольно ограниченнымъ. Само собою разумѣется, что большинство лучшихъ земель и угодьевъ перешло къ русскому населенію и, главнымъ образомъ,—къ сибирскимъ казакамъ. Понятно, что съ уменьшеніемъ земельнаго района, съ сокращеніемъ пастбищъ и уменьшеніемъ возможности передвиженія, сокращались и средства прошитанія, да и самая территорія, куда инородцы были оттѣснены и гдѣ они, по необходимости, должны были размѣщаться, далеко не всегда по климатическимъ, топографическимъ и физическимъ условіямъ походила на тѣ мѣста, которыя они прежде занимали и которыя вполнѣ соотвѣтствовали условіямъ ихъ кочевой жизни. Весьма разнится перемѣщеніе по выбору отъ перемѣщенія по необходимости.

При всемъ этомъ киргизъ исправно платитъ подати, и недоимокъ никогда еще не бывало. Онъ—отличный стрѣлокъ, прекрасный охотникъ, неутомимый ѣздокъ, имѣющій себѣ подобнаго: уменъ, трезвъ, честенъ, выносливъ, но страшно лѣнивъ. Къ осѣдлой жизни вполнѣ годенъ, и хотя не съ любовью, но съ успѣхомъ можетъ заниматься хлѣбопашествомъ, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время падежи скота и бескормица все чаще и чаще посѣщаютъ его степи, а гибель скота во время гололедицы довершаетъ опустошеніе. Какъ обширны эти падежи,—можно судить потому, что въ 1876 году у киргизовъ Западной Сибири пало 178.000 штукъ скота, а по отчету семипалатинскихъ ветеринарныхъ врачей—ежегодно падаютъ отъ различныхъ болѣзней сотни тысячъ головъ.

Въ сторонѣ отъ нашей дороги видѣлись киргизскія зимовки, т.-е. аулы деревни, состоящія изъ 20—40 юртъ да двухъ-трехъ деревянныхъ, на подобіе нашихъ бѣдныхъ крестьянскихъ избъ, съ плоскими, покрытыми землей крышами, низкими стѣнами, обложенными либо навозомъ, землею, либо снѣгомъ, и очень маленькими окнами; рамы которыхъ, вмѣсто стеколъ, обтянуты пузыремъ.

Чтобы познакомиться съ домашней жизнью киргиза, мы свернули съ дороги, подъѣхали къ аулу (близость аула весьма легко узнать по несмолкаемому лаю собакъ, которыхъ киргизы держатъ въ изобиліи для охраны своихъ стадъ). Насъ встрѣтила масса ребятишекъ, босикомъ, безъ бѣлья: на голомъ тѣлѣ накинуты, но не застегнуты, тулупчики или рваныя ватныя куртки. Они прыгали, грѣлись на солнцѣ и рѣзвились, не замѣчая, повидимому, 23° мороза и нисколько не смущаясь нашимъ пріѣздомъ.

Мы вошли въ деревянную избу,—она раздѣлена на двѣ половины: первая, черезъ которую входите,—для скота, вторая—жилое помѣщеніе. Въ одномъ углу жилого помѣщенія только что родившійся баранъ, тщательно уложенный на соломѣ, въ другомъ—грудной ребенокъ. Середина избы занята остальною и всегда многочисленною семьей, въ отрепьяхъ, грязи и вони; посрединѣ избы родъ печи или костра, надъ которымъ въ большомъ чугунномъ котлѣ варится пища киргиза, состоящая изъ кислаго молока и ржаныхъ лепешекъ,—послѣдняя роскошь бѣднымъ киргизамъ не всегда доступна: ихъ замѣняетъ часто горсточка проса или муки.

Бѣдный киргизъ мяса почти не ѣстъ, развѣ только захвораетъ лошадь. баранъ или корова, и больную онъ ее зарѣжетъ,—тогда у бѣдняковъ праздникъ, тутъ уже съѣдается все, кромѣ роговъ да костей.

Главный продуктъ питанія киргиза весною и лѣтомъ — «кумысъ», питательный, вкусный и очень пріятный напитокъ. Здоровье степняка, и киргиза въ особенности, было-бы далеко не въ такомъ удовлетворительномъ состояніи, еслибы онъ, по какому-нибудь случаю, лишился возможности поддерживать его употребленіемъ этого цѣлительнѣйшаго напитка (но о кумысѣ рѣчь впереди).

Собранное осенью молоко заквашивается, служа, подъ названіемъ «айрана», пищею и вмѣстѣ питьемъ. Излишекъ его употребляется для выдѣлки сливочнаго, сладковатаго сыра, который употребляется въ видѣ лакомства съ чаемъ или послѣ мяса. Другой сыръ, необыкновенно твердый и кислый, подъ названіемъ «куртъ», выдѣлывается позднѣе—въ началѣ осени. Его не ѣдятъ въ твердомъ видѣ, а распускаютъ въ горячей водѣ, въ которой онъ долго перетирается, пока образуется настой, очень невкусный, но чрезвычайно питательный. Бѣдные киргизы этимъ и питаются, не заготовляя мяса на зиму. Но за то богатый киргизъ въ своей внутренней жизни—крайняя противоположность бѣдному. Живетъ онъ въ нѣсколькихъ юртахъ. Юрты эти устланы прекрасными коврами, изобилуютъ посудою, одеждой, одѣялами, подушками и разными другими принадлежностями хозяйства, подчасъ вычурными и богатыми. Вдоль стѣнокъ юрты масса сундуковъ—большихъ и малыхъ

(излюбленная мебель киргиза и степняка), окованныхъ бѣлой жестью и наполненныхъ дорогими мѣхами, коврами, шелковыми халатами, а въ былыя времена— «ямбами».*

Такой киргизъ заготовляетъ на зиму много мяса и бьетъ барановъ вдвое больше противъ принятаго (количество заготовляемаго на зиму мяса опредѣляется у киргизъ числомъ однихъ мужчинъ), для угощенія русскихъ, проѣзжающихъ по служебнымъ дѣламъ чиновниковъ. Киргизъ, вообще, по своимъ древнимъ обычаямъ очень гостепріименъ, и всякаго пріѣхавшаго въ ауль, будь это самый бѣдный, угоститъ на славу (конечно, даромъ), а для русскаго зарѣжетъ барана.

Съ наибольшимъ радушіемъ киргизъ угощаетъ разсказчика новостей. Нигдѣ такъ быстро не распространяются новости, какъ въ степи,—почта и телеграфъ тамъ совсѣмъ ненужны, и первая всегда бы запаздывала съ новостями. Киргизъ очень любопытенъ,—обыкновенно, ничего не дѣлая зимою, онъ разгуливаетъ по степи и, завидя проѣзжаго и наговорившись вдоволь съ его ямщикомъ, опрометью мчится на своемъ лихомъ конѣ въ первый попавшійся ауль, и, конечно, не безъ прибавленій разсказываетъ. Слушать его собирается весь ауль; онъ отлично поѣстъ и на слѣдующій день ѣдетъ дальше, къ другому аулу, и т. д.

---

* Ямба — китайская серебряная монета. Это слитокъ высокопробнаго серебра различныхъ величинъ, формы и цѣнности, отъ 12 рублей до 130 рублей.

Проѣзжіе, подобные намъ, за угощеніе обыкновенно дарятъ хозяину, его женамъ и дѣтямъ разныя, вещи: кусокъ шелковой матеріи (въ 3—4 рубля) ситцу, серебряную вещицу или серебряную мелкую новую монету, которая идетъ на женскія украшенія (ожерелья, головные уборы, и проч.).

Во время этого пути мы, заходя въ юрты (посмотрѣть), дарили женщинамъ и дѣтямъ серебряные гривенники и пятачки. Послѣдніе имъ очень нравились, какъ рѣдко встрѣчаемые. Восторгъ былъ неимовѣрный.

Богатый киргизъ не любитъ брать деньги. Это бы оскорбило его аристократическую гордость, которая не умираетъ, не забывается ни при какихъ обстоятельствахъ... Происходящіе отъ потомковъ Чингисъ-хана и другихъ владѣтельныхъ хановъ и по нынѣ пользуются большою популярностью, играя первенствующія роли въ общественныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ народной жизни. Когда встрѣчаются два киргиза, первый вопросъ — «кто твои семь отцовъ предковъ?» — и у спрашиваемой личности, если она хоть шестилѣтній ребенокъ—всегда готовъ отвѣтъ.

Все богатство киргиза заключается въ скотоводствѣ. Овцы—главное имущество, знаменатель, къ которому можно подвести остальной достатокъ кочевого жителя.

Овца даетъ шерсть, молоко, сало, мясо, словомъ—все, что нужно степняку и киргизу. Избытокъ сбывается мѣною на товаръ. Масса купцовъ-кулаковъ и главнымъ образомъ татаръ, разносчиковъ товаровъ,

проникаетъ въ глубь степи, промѣнивая свой гнилой товаръ на барановъ, шерсть, рогатый скотъ, и т. п. Чай, и притомъ исключительно кирпичный, любимый киргизами, поглощаетъ тоже массу барановъ. Все кочевое населеніе Сибири,—казачество, купечество и среднее сословіе пьютъ кирпичный чай. Конечно, чайныхъ листьевъ въ немъ немного, да едва-ли попадаются, но настой и дешевизна—заманчивы. Кирпичъ въ $2^1/_2$—3 фунта стоитъ 1 рубль 20 копеекъ, но о чаѣ потомъ. Надобно сначала доѣхать до Китая, посмотрѣться нѣсколько въ китайскихъ пограничныхъ городахъ и затѣмъ уже разсказывать,—и потому о чаѣ и Китаѣ моя рѣчь впереди, а пока о хозяйствѣ киргиза.

Болѣзней киргизскія овцы почти не знаютъ, но за то въ южныхъ, песчаныхъ частяхъ степи тысячи ихъ гибнутъ отъ поднимающихся барановъ, зараплохъ застигающихъ стада гдѣ нибудь вдали отъ аула: загнанныя вѣтромъ въ сугробы, они засыпаются снѣгомъ, умирая отъ голода прежде, нежели уймется непогода.

Другой бичъ скотоводства—гололедица, уничтожающая барановъ уже не тысячами, а сотнями тысячъ: особенно когда ледяная кора покроетъ землю на нѣсколько сотъ верстъ, и тогда перегнать стада въ болѣе благопріятную для прокормленія мѣстность становится невозможнымъ. Вотъ въ такіе-то годы громадныя деньги платятъ киргизы казакамъ за сѣно, но, конечно, никакой запасъ сѣна не въ состояніи былъ-бы прокормить милліоны барановъ и сотни тысячъ скота, всегда пасущихся на подножномъ кормѣ.

Въ сѣверной части Семипалатинской области, гдѣ гололедицы—явленіе менѣе рѣдкое, киргизы какъ-то лучше занимаются хозяйствомъ—запасаютъ сѣно, строютъ сараи изъ камня и дерна (въ 20 саженъ длины и 10 ширины), вмѣщающіе каждый около 2000 овецъ, и до 100 штукъ крупнаго рогатаго скота, да до 50 верблюдовъ.

Впрочемъ, это дѣлаютъ только богатые, а бѣднякъ устраиваетъ нѣчто подобное изъ снѣга или навоза; молодыхъ же ягнятъ кладутъ съ собою въ юрты; остальной скотъ укрывается въ камышахъ, служа такимъ образомъ частой добычей волкамъ. Претерпѣвая всѣ невзгоды и вдобавокъ сильно изнуряясь безкормицей, баранъ стойко выдерживаетъ суровую степную зиму.

Такимъ образомъ идетъ время до весны, когда начинается перекочевка. Двухъ весеннихъ недѣль на луговой травѣ достаточно, чтобы совершенно исправить отощавшихъ за зиму барановъ, начинающихъ съ того времени тучнѣть, и къ осени самые большіе изъ старыхъ имѣютъ зачастую 5 пудовъ вѣса, а въ южныхъ частяхъ и 6 пудовъ. Цѣны въ разныхъ мѣстахъ и по различнымъ причинамъ очень разнообразны: маленькій, молодой барашекъ отъ 75 копеекъ до 1 рубля 50 копеекъ, а большой, жирный, старый—отъ двухъ до трехъ рублей. Ближе къ Китаю еще дешевле.

Слѣдующая отрасль хозяйства—коневодство.

Киргизская лошадь тѣмъ хороша, что, и будучи пріучена къ экипажной ѣздѣ—она все таки не отвыкаетъ хорошо итти подъ верхомъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи ея качества для степи неоцѣнимы.

Къ упряжи лошадь пріучается очень легко и скоро. Намъ приходилось не разъ ѣхать на лошадяхъ, приведенныхъ только что изъ степи и никогда не испытывавшихъ никакой запряжки,—и онѣ везли удивительно скоро и ровно. Вся трудность—запречь первый разъ. Для этого лошади обыкновенно закрываютъ глаза, и, когда запрягутъ—пускаютъ съ мѣста вскачь верстъ на 20—30 до слѣдующей станціи. Верховая же лошадь, пробѣжавъ малой рысцой верстъ 100 въ день, должна часовъ пять выстояться на привязи, ночью часа три покормиться на травѣ, и на другой день опять легко дѣлаетъ тоже разстояніе. Подобную ѣзду выносятъ всѣ безъ исключенія лошади, и на лучшихъ изъ нихъ можно дѣлать каждый день отъ 80 до 100 верстъ втеченіе цѣлой недѣли, по прошествіи которой, продержавъ ее дня два на хорошей, свѣжей травѣ, опять цѣлую недѣлю можно повторять съ нею тѣ-же разстоянія.

Между обыкновенными киргизскими лошадьми встрѣчаются «карабаиры» — это помѣсь киргизской лошади съ русской. Такая лошадь гораздо больше, красивѣе, но той выносливости, какъ простая лошадь, не имѣетъ. Киргизы ихъ очень любятъ и держатъ для торжественныхъ выѣздовъ.

Излюбленная-же лошадь киргиза—иноходецъ. Онъ ее особенно бережетъ, любуется ею, воспѣваетъ въ пѣсняхъ и цѣнитъ довольно дорого—60—100 рублей. Вся заслуга иноходца—въ его аллюрѣ. Сидишь на немъ какъ на креслѣ, и, проѣхавъ въ день верстъ 200, нисколько не утомишься.

Лошадь, да еще иноходецъ, для киргиза—вѣнецъ красоты.

Въ примѣръ приведу одно сравненіе и восторгъ, слышанные мною. Нѣкто Бушера, очень именитый киргизъ, былъ посланъ въ Петербургъ въ качествѣ депутата. Будучи приглашенъ на многолюдный и блестящій балъ, онъ сталъ внимательно разсматривать танцующихъ и, указывая на одну, очень красивую и прекрасно танцующую мазурку барыню, подошелъ ко мнѣ и сталъ выражать свой восторгъ такъ: «хорошо, чудесно идетъ мазурку, совсѣмъ какъ мой иноходецъ,— одинъ восторгъ!» —и говорилъ онъ это искренно, находя, что лучше его иноходца никто ходить не умѣетъ и краспвѣе его—нѣтъ ничего на свѣтѣ.

На скачкахъ киргизская лошадь пробѣгаетъ 15 верстъ въ 20 минутъ, и это не изъ лучшихъ. Лучшіе скакуны дѣлаютъ съ легкою ношею 55 верстъ въ часъ. Управляются они обыкновенно 8—10 лѣтними мальчиками, и послѣ бѣга, какъ водится, выстаиваются безъ корма часовъ 10—12*, въ противномъ случаѣ падаютъ.

Для продолжительной ѣзды на весьма значительныя разстоянія необходимо ѣхать все время однимъ и тѣмъ же аллюромъ, самою маленькою рысцой, выстаивать лошадь не менѣе 5 часовъ, кормить ночью не болѣе трехъ часовъ (послѣ-же сильной скачки время выстойки увеличивается пропорціонально продолжительности бѣга, и доходитъ до 12 часовъ). Не соблюдая этихъ условій, на киргизской лошади нельзя ни быстро, ни далеко ѣздить, не рискуя ее потерять.

---

* Красовскій, стр. 23.

Обовьючиваютъ коней рѣдко, и если этого избѣжать нельзя, то накладываютъ вьюкъ не болѣе 7 пудовъ.

Извлекается киргизомъ съ лошади слѣдующая выгода: 1) молоко, кумысъ; 2) волосъ, часть котораго сбывается, а часть, и притомъ болѣе значительная, идетъ на домашнія издѣлія; 3) кожа продается на мѣстѣ кулакамъ-скупщикамъ по 1 рублю за штуку; 4) значительная часть коней идетъ въ пищу. Конское мясо вкуснѣе бараньяго, если только также, какъ и послѣднее, просолено и прокопчено. Кромѣ заготовленія окороковъ, изъ него дѣлается лакомая колбаса, называемая «казы», которая также коптится, Начинку колбасы составляютъ ребра, съ прибавленіемъ значительнаго количества очень нѣжнаго на вкусъ конскаго сала. Варятся «казы» также, какъ и баранина, только требуется для этого меньше времени. Вообще, вареная конина и колбасы считаются и русскими казаками, и киргизами однимъ изъ самыхъ вкусныхъ блюдъ, а мясо молодого жеребенка—лакомство; 5) лошадь отдается лѣтомъ и въ особенности подъ зиму внаймы. Годовая плата за лошадь отъ 8 рублей до 15 рублей. Нанимаютъ ихъ, кромѣ торговцевъ, и казаки. Во время безкормицы, киргизъ о платѣ за наемъ не заботится, была бы только отдана лошадь назадъ, но вотъ этого-то послѣдняго казакъ и не выполняетъ зачастую, а ежели и возвратитъ, то въ самомъ жалкомъ, совсѣмъ невыгодномъ видѣ.

У киргизовъ, вообще, лошадей много; нѣкоторые, правда, весьма немногіе, имѣютъ по 10—20 тысячъ головъ. Для богатаго киргиза табунъ лошадей составляетъ предметъ гордости, хвастовства. Киргизъ «денегъ

не любитъ»; онъ къ нимъ относится съ полнымъ, не только равнодушіемъ, но подчасъ и пренебреженіемъ.

Подарить, обмѣнять лошадь онъ не прочь, но продавать не любитъ; развѣ въ крайнихъ случаяхъ, и то продастъ худшихъ. Деньгами киргизъ не любуется и если бережетъ ихъ, то лишь на случаи разныхъ подарковъ. Подарки такіе кладутся спящему подъ подушку или незамѣтно заворачиваются въ его же вещи. Приходится иногда подносить въ подарокъ и лошадей, въ особенности когда гость похвалитъ лошадь... Но киргизы такихъ лошадей тщательно прячутъ отъ глазъ проѣзжаго...

Затѣмъ лошади употребляются на полевыя работы. Послѣднія десять лѣтъ киргизы охотно занимаются хлѣбопашествомъ.

Средняя стоимость лошади 12—15 рублей; вида некрасиваго, роста средняго.

Затѣмъ идетъ рогатый скотъ. Мясо рогатаго скота въ пищу киргизы не употребляютъ. Разводятъ его для 1) молока; 2) передвиженій,—(ѣздятъ верхомъ и запрягаютъ какъ быковъ, такъ и коровъ); 3) для продажи. Это послѣднее составляетъ довольно выгодное для киргиза дѣло въ мѣстахъ близъ городовъ расположенныхъ; но тѣ, которые находятся въ глубокой степи, и въ этомъ случаѣ терпятъ отъ кулаковъ-скупщиковъ или казаковъ.

Торговцы законтрактовываютъ у киргиза и нынѣшній и будущій рогатый скотъ, подъ который и выдаютъ товаръ (всегда плохой), покупаютъ теленка за

1—1½ рубля, а спустя 2—3 года получаютъ взрослаго быка, корову. Никакія, постигшія киргиза несчастія въ разсчетъ не принимаются и кулакъ всегда съумѣетъ получить причитающееся ему.

Коровье молоко обыкновенно смѣшивается съ бараньимъ (айраномъ), и приготовляется изъ него «катыкъ», родъ простокваши, или собираютъ къ чаю сливки,— это ужъ рѣдкое лакомство.

Рогатый скотъ также употребляется для земледѣльческихъ работъ. Въ наемъ подъ извозъ тяжестей рогатый скотъ киргизами не отдается. За неимѣніемъ лошадей, коровы ходятъ и подъ верхомъ очень искусно, управляясь веревкою, которая другимъ концомъ привязана къ продѣтому черезъ ноздри бурундуку (палочка). На этотъ варварскій способъ никто не обращаетъ никакого вниманія, считая его самымъ обыкновеннымъ и даже удачнымъ способомъ запряжки. Рогатаго скота въ общемъ сравнительно немного. Корова и быкъ стоютъ отъ 12 до 20 рублей. Затѣмъ идетъ разведеніе верблюдовъ.

Трудно даже сказать, что было-бы съ кочевымъ населеніемъ, еслибы оно лишилось верблюда.

Сберегать маленькихъ верблюжатъ въ зимнее время чрезвычайно хлопотливо, и киргизъ не жалѣетъ ухода. Для маленькихъ и большихъ верблюдовъ шьютъ изъ кошмы накрышки, которыми и покрываютъ животное не только всю зиму, но и лѣто, дабы защитить отъ мошки и комаровъ. Для прокормленія верблюдовъ надо заготовлять сѣно, такъ какъ на подножномъ корму онъ

быть не умѣетъ. Весну и все лѣто верблюженокъ почти не отходитъ отъ матери. Взамѣнъ же этихъ нѣжностей, ему прокалываютъ носовой хрящъ и въ сдѣланное отверстіе вставляютъ деревянную палочку, имѣющую полвершка въ діаметрѣ; на одномъ ея концѣ сдѣланъ препятствующій входу болтъ, а на другомъ петля, сквозь которую продѣвается волосяная веревка. Производимая передвиженіемъ аркана внизъ боль въ ноздряхъ заставляетъ верблюда поворачиваться, ложиться, вставать, и проч., словомъ—онъ этой веревкою управляется.

Двухъ-трехъ-годовалый верблюдъ несетъ вьюкъ въ 10 пудовъ и затѣмъ въ 15 и 20. Какъ перевозчикъ тяжестей, служитъ киргизу 20—25 лѣтъ, увольняясь отъ работы только въ случаѣ образованія сильныхъ опухолей на спинѣ или бокахъ. Опухоли эти иногда проходятъ сами, если животное во время освобождено отъ вьюка; въ противномъ случаѣ, ноша, продолжая натирать наболѣвшее мѣсто, производитъ глубокія язвы, на которыя киргизы мало обращаютъ вниманія, и только когда заведутся въ ранахъ черви, то, повытаскавъ ихъ деревянными спицами, а иногда и просто вырѣзавъ всю разлагающуюся часть, прикладываютъ пластырь изъ бараньяго сала или прожженаго чія, или въ упорныхъ случаяхъ пересыпаютъ нюхательнымъ табакомъ. Между прочимъ, освобожденіе отъ вьюка единственное лѣкарство, но киргизъ, какъ вообще жесткій, не мягкосердый человѣкъ, мало обращаетъ вниманія на страданія животнаго, эксплоатируя его до крайнихъ предѣловъ, и если оно окончательно изнемогаетъ—рѣжетъ на мясо.

Въ киргизѣ уживаются двѣ крайности—любовь къ своимъ стадамъ въ массѣ, уходъ за малолѣтними, который сплошь и рядомъ превышаетъ уходъ за собственнымъ ребенкомъ—и полная безпощадность къ взрослому животному.

Сибирская язва верблюдовъ не затрогиваетъ. Одна только безкормица уноситъ (и безъ того малое количество въ степи) верблюдовъ массами; такъ, напримѣръ, въ 1861 году пало въ одномъ Баянъ-Аульскомъ округѣ 850 штукъ отъ безкормицы. По этой причинѣ весной на нихъ не кладутъ вьюка тяжелѣе 12 пудовъ.

Тяжело-навьюченный верблюдъ идетъ шагомъ въ часъ 4—5 верстъ, а рысью дѣлаетъ 8—10 верстъ. Двугорбый вьючится удобнѣе одногорбаго и можетъ пройти безъ перевязки 60 верстъ.

При перекочевкахъ, 50 верстъ въ сутки составляютъ наибольшій переходъ. Въ караванахъ болѣе 40 верстъ въ сутки онъ не проходитъ.

По окончаніи каждаго перехода, его укладываютъ, снимаютъ вьюкъ и даютъ отдохнуть часа два, потомъ пускаютъ на кормъ,—это только въ караванномъ ходѣ; при перекочевкахъ же, вслѣдствіе малыхъ переходовъ, этого не соблюдается. Въ крайнихъ случаяхъ верблюдъ обходится безъ пищи дня три и безъ питья дней шесть. Впрочемъ, послѣ двухъ голодныхъ дней, или не пивши четверо сутокъ, животное сильно слабѣетъ, и для того, чтобъ оно не погибло послѣ такихъ случаевъ, необходимо тотчасъ облегчить вьюкъ и къ прежнему грузу перейти не ранѣе какъ черезъ недѣлю.

Въ быструю ѣзду онъ употребляется рѣдко. Въ состояніи-же онъ пробѣжать безъ остановки 60—70 верстъ.

Теперь очень часто впрягаютъ верблюда въ арбу. Грузъ повозки въ этомъ случаѣ 15—20 пудовъ.

Мясомъ верблюжьимъ лакомятся рѣдко, молокомъ еще рѣже. Шерсть собираютъ въ маѣ; она идетъ на выдѣлку армячины, и въ продажу поступаетъ рѣдко, по 20 копеекъ фунтъ.

Что касается выгодъ отъ верблюда въ лѣтнія работы—онѣ неисчислимы. Безъ верблюда кочевать было бы невозможно.

Падежъ между ними вноситъ самое сильное разстройство во все хозяйство киргизовъ, потому что затрудненіе въ перекочевкахъ сейчасъ же отразится умноженіемъ потерь въ прочихъ породахъ скота.

По первому году верблюженокъ цѣнится 10 рублей; по второму—20—25 и затѣмъ 50—60—70 рублей.

Другихъ животныхъ, кромѣ самаго ничтожнаго количества козъ—киргизъ не держитъ, не любитъ, не разводитъ и не знаетъ.

Сродные между собою отдѣленія, роды, поколѣнія, а прежде и племена, почему-либо близкія между собою, стараются, по возможности, скучиваться, и въ особенности въ лѣтнее время, потому что жизнь для киргиза начинается съ первымъ весеннимъ лучемъ солнца и оканчивается съ наступленіемъ морозовъ. Зиму киргизъ (мужчина) проводитъ положительно въ спячкѣ; это—время жизни семейной: женщины ухаживаютъ за скотомъ,

занимаются рукодѣльями, заботятся по хозяйству, сѣдлаютъ мужу лошадь, словомъ, на женщинѣ-киргизкѣ лежатъ всѣ работы и заботы о жизни; мужчина мечтаетъ либо о невѣстѣ—за сколько ее можно купить, либо съ нетерпѣніемъ поджидаетъ какого-нибудь гостя съ вѣстями; все жметея отъ мороза, голода, скуки, ожидая весны. Всѣ главнѣйшія работы, какъ я уже сказала, лежатъ на женщинѣ. Въ домашнихъ рукодѣльяхъ первое мѣсто занимаетъ выдѣлка кошемъ (войлоковъ), въ которыхъ и киргизы, и ихъ сосѣди чрезвычайно нуждаются.

Войлоки дѣлаются изъ овечьей шерсти, которая снимается осенью. Въ сентябрѣ почти всѣ женскія руки заняты выдѣлкою кошемъ.

Работа заключается въ слѣдующемъ: снятую шерсть моютъ, сушатъ, разстилаютъ на кожѣ, бьютъ палками, и когда она достаточно размягчится, то на рогожку, сдѣланную изъ чія (камышъ), настилаютъ изъ нея пластъ толщиною въ полтора вершка, поливаютъ этотъ слой шерсти горячею водою и покрываютъ другою рогожкою изъ чія; затѣмъ, обѣ половины чія, съ находящимся между ними шерстянымъ пластомъ, свертываютъ въ трубку и катаютъ по землѣ, безпрерывно поливая трубку горячею водою. Работа эта продолжается отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ часа. Скатанный пластъ, вынувъ изъ чія, высушиваютъ на солнцѣ, а на другой день, свернувъ высохшій войлокъ въ трубку же, но уже безъ чія, и поливъ его кипяткомъ, снова катаютъ на кожѣ полчаса. Послѣ этой операціи высохшая кошма признается готовою. Обыкновенный размѣръ войлочнаго

куска составляетъ 4 аршина. Шесть женщинъ, работая весь день, дѣлаютъ въ два дня 8 такихъ кусковъ. Аршинъ сѣрой кошмы продается на мѣстѣ и въ особенности осенью по 25—30 копеекъ, а бѣлая—40 копеекъ аршинъ, т.-е. 1 рубль 50 копеекъ кусокъ. Бѣлая кошма очень красива, мягка и тепла. Сложенная въ 4—5 рядовъ съ успѣхомъ замѣняетъ волосяной тюфякъ.

Не смотря на то, что войлоковъ изготовляется въ степи очень много, вывозить нечего: ихъ только что хватаетъ на домашнія нужды народа—юрты, подстилки, обувь и ковры. Послѣдніе, шитые по бѣлой кошмѣ, чрезвычайно красивы, прочнѣе нашихъ бархатныхъ, дешевы и крайне своеобразны.

Киргизскія дѣти и женщины собираютъ или выпрашиваютъ всевозможные шерстяные, бумажные, ситцевые, суконные и другіе обрѣзки, вырѣзываютъ изъ нихъ разныя фигуры и нашиваютъ либо цвѣтными нитками, либо разноцвѣтными веревочками (какими завязываютъ въ лавкахъ пакеты и нами обыкновенно бросаются) на войлокъ сѣрый или бѣлый.

Поразительно въ этихъ, по понятіямъ европейца, полудикихъ женщинахъ умѣнье соблюсти симметрію фигуръ, отличающихся большимъ вкусомъ, нежели у многихъ европейскихъ фабрикантовъ. За однимъ ковромъ работаетъ обыкновенно нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, которыми руководитъ старуха: она чертитъ узоръ на землѣ или пескѣ остроконечной палкой, и работницы, смотря на него, вырѣзываютъ изъ

тканья такой-же рисунокъ и нашиваютъ на кошму. Такіе ковры могутъ быть произвольныхъ размѣровъ (въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ, весь полъ огромной комнаты былъ покрытъ во время коронаціи такимъ ковромъ), и вышитые на бѣлой кошмѣ яркими красками—чрезвычайно красивы и оригинальны. Конечно, прочностью они не могутъ равняться съ бухарскими, ташкентскими и нашими простыми плетеными, но прочнѣе и мягче, такъ называемыхъ (нашихъ), французскихъ бархатныхъ, да и въ двадцать разъ дешевле послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, длиною въ 4 аршина и шириною въ кускѣ 2 ½ аршина стоитъ отъ 1 рубля 50 до 4-хъ рублей.

Конечно, сдѣланный на заказъ коверъ можетъ быть и красивѣе и прочнѣе, но этихъ вещей почти никто не заказываетъ, а большинство и не знаетъ; такимъ образомъ, все это продается въ ограниченномъ количествѣ и совершенно случайно

За этимъ слѣдуетъ тканье армячины (толстая, грубая шерстяная матерія). Верблюжью шерсть прядутъ веретеномъ и ткутъ самымъ примитивнымъ способомъ. Кусокъ армячины отъ 5 до 8 аршинъ длиною, вершковъ 6—7 шириною, продается за 60 копеекъ. Ташкентская нѣсколько шире, длиннѣе и несравненно мягче и лучше: продается 2 рубля, а кусокъ на весь мужской костюмъ (нашего штатскаго покроя) стоитъ 7—8 рублей. Простая киргизская армячина расходится на киргизское верхнее платье,—она въ большомъ употребленіи, такъ какъ не боится дождя.

Охотники тоже ее предпочитаютъ во всякое время года: костюмъ изъ хорошей армячины—незамѣнимъ:

лѣтомъ защищаетъ отъ зноя, комаровъ, мошекъ, пыли и дождя, долго носится и прекрасно отмывается, не теряя при этомъ элегантнаго вида.

Затѣмъ женщины плетутъ тесьму изъ бараньей и верблюжьей шерсти, придавая ей различную ширину. Иногда нитки тесьмы переплетаются волосомъ, а у богатыхъ—шелкомъ, который пропускается черезъ основу камышевою иголкою. Шерстяные мѣшки (каны) дѣлаются въ огромномъ числѣ. Ихъ киргизъ связываетъ по два и, наполнивъ должной поклажей, перекидываетъ черезъ спину лошади во всѣхъ поѣздкахъ и переходахъ.

Шерсть, крашеную и некрашеную, употребляютъ еще на плетеніе рогожекъ изъ чія.* Сборъ чія производится въ первыхъ числахъ августа. Плетеніе рогожекъ идетъ такъ: въ юртѣ на двѣ сошки кладется длинная жердина, съ отвѣсно висящими на ней, одна подлѣ другой, шерстяными нитками, къ концамъ которыхъ привязываютъ камешки, а къ послѣднимъ, въ обѣ стороны, особые шнурки, при помощи которыхъ четные камешки тянутъ въ одну сторону, нечетные въ другую, въ то время, когда подъ бокомъ положена чіина: связавъ ее, кладутъ другую и т. д. Вылетенный чій идетъ на покрышку деревяннаго остава юрты.

Выдѣлкою и окраскою кожъ киргизы тоже занимаются сами, но, конечно, выдѣлка эта очень плоха и они предпочитаютъ купить обдѣланную русскими кожу, если только послѣднюю надо употребить на шитье сапогъ, дѣланіе уздечекъ, и т. п., потому что своей обдѣлки кожа груба и непрочна.

---

* Камышъ.

Самый обыкновенный способъ выдѣлки кожъ слѣдующій: вымочивъ шкуру и продержавъ ее въ соляномъ настоѣ дня два, кладутъ въ молоко, въ которомъ квасятъ 7 дней, потомъ сушатъ и разминаютъ руками. И эта работа принадлежитъ женщинамъ.

Для окраски кожъ, а равно и шерсти, употребляются разныя растенія и травы, какъ-то: индиго, растущій у Зайсана въ долинѣ рѣки Чернаго Иртыша. Изъ выдѣланныхъ кожъ дѣлаютъ чомбары, сапоги и затѣмъ посуду, какъ-то: «сабы» или широкіе съ плоскимъ дномъ и длинною шейкою мѣшки, турсуки или продолговатые мѣшки съ короткою шейкою (для перевозки и сбора кумыса), ведра для доенія кобылъ.

Обыкновенно вымоченную кожу сшиваютъ по выкройкѣ, наполняютъ, для приданія настоящей формы, землею, держутъ въ этомъ положеніи сколько надо, а затѣмъ, освободивъ отъ земли, коптятъ эту вещь и— посуда готова.

Этой работой, т. е. окраской, выдѣлкой и изготовленіемъ посуды, тоже занимаются женщины; къ мужскимъ-же работамъ относятся: 1) шитье обуви и вообще кожаной одежды; 2) изготовленіе сѣделъ; 3) существуютъ кузнецы и серебреники.

Шитьемъ обуви и вообще кожаной одежды занимаются особые работники изъ бѣдныхъ людей, получая за шитье, напримѣръ, одной пары сапогъ 50 копеекъ, случается—рубль, но это рѣдко, а обыкновенно—что кто дастъ. Иной за шитье шубы (которую обыкновенно надѣваютъ мѣхомъ кверху) получитъ двухъ барановъ, другой—не больше какъ столько-же, сколько и за шитье сапогъ.

Занятіе кузнецовъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ починкѣ, а иногда и въ изготовленіи новыхъ треногъ подъ казаны, ножей (послѣдніе очень любятъ киргизы и почти каждый изъ нихъ съумѣетъ его себѣ сдѣлать и украсить: киргизъ никогда не выходитъ безъ привѣшеннаго у пояса, вложеннаго въ кожанный футляръ, украшенный серебромъ или мѣдью, ножа), пикъ, топоровъ, мотыгъ, сошниковъ, и только серебреники приготовляютъ разныя украшенія для сѣделъ, узлечекъ, поясовъ, дѣлаютъ кольца (все это очень грубо и первобытно), серьги; нѣкоторые изъ серебрениковъ очень искусно кладутъ насѣчку на серебро и мѣдь, серебрятъ подъ чернь, и т. д.

Работа ихъ окупается лучше, нежели другихъ, но также не вездѣ одинаково.

Кромѣ этихъ занятій, бѣдные киргизы и преимущественно мужчины, идутъ въ работники къ казакамъ въ русскія степныя станицы, на заводы и въ города. Въ общемъ плата самая жалкая, такъ, напримѣръ: унести съ завода, послѣ годовой работы, 20 рублей. на которые киргизъ могъ бы себѣ тотчасъ купить 15 барановъ, немыслимо: за годъ онъ сильно поизносится, заберетъ съ завода товаръ по высокимъ цѣнамъ, и домой еле принесетъ 7—8 рублей. Въ русскихъ станицахъ работа ему нѣсколько привольнѣе, но за то годовая плата, за послуги различнаго рода, никогда не превышаетъ 20 рублей—при харчахъ, конечно. Несмотря на это, за послѣднее время большинство населенія уходитъ на заработки.

Итакъ, на женщинѣ, лежатъ всѣ работы и всѣ заботы. Не будь женщинъ, и киргизъ умеръ бы отъ голода и неряшества, а, между прочимъ, относится онъ къ этой женщинѣ самымъ варварскимъ образомъ. Женщина-киргизка лишена не только юридическихъ или общественныхъ правъ, но даже человѣческихъ. Ее не сажаютъ за столъ и не даютъ той пищи, какою питаются мужья и, вообще, мужчины. Мужчина, взявши кусокъ мяса и поѣвши его, передаетъ женѣ обглоданную уже имъ кость, и хорошо если около нея оставитъ нѣсколько мяса. Но объ этомъ потомъ.

Киргизъ зимою абсолютно ничего не дѣлаетъ, а лѣтомъ пасетъ стада. Всѣ задуманные имъ планы приводятся въ исполненіе, — начинаются безпрерывные разъѣзды по ауламъ, сватовство, свадьбы, справляются поминки по умершимъ богатымъ родственникамъ, торжественно проводятся народные праздники, публично дѣлаются всевозможныя административныя распоряженія мѣстныхъ властей, производятся выборы (и всегда съ драками) утверждаемыхъ правительствомъ волостныхъ старшинъ. Въ общемъ, киргизъ—лѣнтяй, тунеядецъ по отношенію къ женщинѣ, живущій ея трудомъ, умомъ, выносливостью и терпѣніемъ.

Встаютъ киргизы и лѣтомъ и зимою довольно поздно, часовъ въ 10, потому что ложатся часа въ три-четыре пополуночи; но это не касается женщинъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, для выполненія разныхъ работъ, приходится вставать часовъ въ 5—6. Въ бесѣдѣ мужчинъ, длящейся далеко за полночь, прекрасный полъ не принимаетъ участія. Утромъ киргизы

пьютъ кумысъ, въ 12 часовъ ѣдятъ что-нибудь горячее (если таковое имѣется), а послѣ обѣда начинается оживленная бесѣда мужчинъ. Въ такомъ порядкѣ проходитъ день въ каждомъ киргизскомъ семействѣ. Однообразіе семейной жизни нѣсколько нарушается только въ дни, празднуемые торжественно, смотря по достатку каждаго. Изъ такихъ, нарушающихъ тишину семейной жизни, случаевъ назову слѣдующіе: 1) перекочевка вообще; 2) рожденіе и обрѣзаніе; 3) сватовство; 4) прибытіе молодыхъ въ аулъ; 5) смерть лицъ достаточнаго состоянія, ихъ погребеніе и поминки; 6) народные праздники; 7) совершеніе народнаго суда; 8) нападеніе на аулъ враждебныхъ племенъ и примиреніе находившихся въ ссорѣ родичей и 9) наѣзды начальниковъ... Скажу вкратцѣ о каждомъ перечисленномъ мною случаѣ.

Перекочевка считается киргизами праздничнымъ днемъ. Постоянно сидящія дома женщины, пускаясь въ это путешествіе, не могутъ не ощущать удовольствія; мужчины-же рады случаю похвастаться передъ другими своимъ богатствомъ, да и самимъ полюбоваться своимъ имуществомъ, находящимся въ полномъ сборѣ. Женщины наряжаются въ свои лучшія платья, садятся верхомъ (по мужски) на иноходцевъ; замужнія прикрѣпляютъ сзади своего пояса суконныя или плисовыя попоны разныхъ цвѣтовъ, покрывающія ихъ лошадей. Такія попоны, часто расшитыя разноцвѣтными шелками по красному сукну, очень красивы; стоимость ихъ отъ 5 до 25 рублей каждая. Для европейца такое шитье можетъ служить прекрасной обивкой для мебели,—

комната, задрапированная такой матеріей и съ такою же мебелью, выглядитъ чрезвычайно красивой и изящной. У дѣвушекъ также очень торжественный и праздничный видъ. Головы любимыхъ верблюдовъ убраны лентами, бубенчиками, и проч.; верхушки ихъ вьюка, покрытаго какою-нибудь матеріею, украшена пучками перьевъ, по преимуществу перьями совы.

Мужчины одѣты въ этотъ день лучше обыкновеннаго, сидятъ на отборныхъ лошадяхъ, стянуты блестящими поясами, въ рукахъ держатъ дорогія нагайки; уздечки блестятъ серебреною или мѣдною оправою,— словомъ, все имѣетъ праздничный видъ, разумѣется, сообразно съ достаткомъ каждаго. Навьючиванье, съ помощью однѣхъ женщинъ, идетъ быстро, и часовъ въ 9—10 утра караванъ трогается съ мѣста. Шествіе открываютъ старшины, уже знакомые съ мѣстомъ стоянки: за ними гонятъ стада, потомъ слѣдуетъ все мужское населеніе. Впереди имущества ѣдутъ женщины, по бокамъ и сзади джигитуютъ дѣвушки, въ аріергардѣ слѣдуютъ работники. Шествіе растягивается верстъ на 10; караванъ прибываетъ на мѣсто стоянки либо поздними вечеромъ въ тотъ же день, либо на другой. Киргизы, стоящіе зимою по Иртышу, стараются уходить лѣтомъ недалеко отъ зимовки; другіе же, неимѣющіе вблизи хорошихъ стадъ, уходятъ въ горы. Пріѣдя на мѣсто, киргизы ставятъ юрты; тотчасъ начинается пиршество, которое продолжается всю ночь: всюду слышится пѣніе, кое-гдѣ раздаются звуки балалайки. Къ утру аулъ мирно засыпаетъ, а на другой день начинается опять та же однообразная жизнь до слѣдующей осенней перекочевки.

Рожденіе младенца сопровождается среди киргизъ такими чудовищными обрядностями, что за частую изумительнымъ кажется, какимъ образомъ и мать и ребенокъ остаются въ живыхъ. Вмѣсто того, чтобы окружить женщину спокойствіемъ и оказать ей какую нибудь помощь,—совершеніе акта рожденія собираетъ къ юртѣ больной весь аулъ; мало того, родственники и знакомые изъ дальнихъ ауловъ также немедленно увѣдомляются, и всѣ спѣшать къ роженицѣ на помощь. Помощь же эта заключается въ томъ, что каждый входящій въ юрту слегка ударяетъ больную нагайкой, кулакомъ или полою верхняго платья, приговаривая: «чикъ», т.-е. выходи. Въ юрту входятъ только близкіе родственники и знакомые хозяина. Исполненіе вышеописаннаго обычая основывается на предразсудкѣ, что появленію младенца на свѣтъ препятствуетъ злой духъ. Собравшіеся вокругъ юрты шумятъ, кричатъ, визжатъ, острятъ, высказывая насмѣшливые отзывы о больной. Нѣкоторые подвязываютъ больную къ потолку юрты и начинаютъ ее встряхивать или качать во всѣ стороны; другіе прибѣгаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы подогнать природу. Примѣненіе этихъ мѣръ лежитъ на обязанности женщинъ, занимающихся повивальнымъ дѣломъ.

Въ критическія минуты приглашаютъ кудесника, который уже ничѣмъ не брезгаетъ. Все это, конечно, страшно безпокоитъ, а нерѣдко и губитъ больную, прекратить же шумъ, унять волнующуюся толпу никто изъ доброжелателей хозяина не рѣшается, такъ какъ весь собравшійся людъ убѣжденъ въ томъ, что онъ

приноситъ пользу. Окружающія женщины хотя и знаютъ, какъ тяжело отзывается на больной подобный шумъ, но боятся высказать свое мнѣніе, потому что сами вѣрятъ въ силу злого духа.

Обрѣзаніе совершается черезъ три года и позднѣе по рожденіи ребенка.

Бракосочетаніе. Въ степи, среди киргизъ, какъ извѣстно, существуетъ многоженство. Киргизъ, имѣющій въ виду породниться съ извѣстнымъ семействомъ, предварительно дѣлаетъ подарки всѣмъ его членамъ, знакомится съ ними, дружится съ ближайшими родственниками; затѣмъ ему объявляютъ, какой капиталъ онъ, женихъ, долженъ внести, чтобы получить невѣсту, которая, въ свою очередь, будетъ отпущена не безъ обычнаго приданаго (о стоимости послѣдняго умалчивается). Этотъ уплаченный женихомъ капиталъ, въ вещахъ, деньгахъ, скотѣ, и проч., называется калымомъ. Женино приданое, по обычаю народному, священно, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отчуждено въ пользу дѣтей киргиза отъ другой жены или въ чью либо пользу, составляя неотъемлемую собственность жены и ея потомства. Если бы мужъ посягнулъ на приданное жены, безъ ея на то согласія, онъ лишается, по обычаю киргизъ, права требовать возвращенія калыма, въ случаѣ, если жена его оставила. Такимъ образомъ, мужъ можетъ лишиться и жены и калыма, а главное— будетъ обезславленъ, какъ похититель женинаго приданаго. Если-бы неполадившая съ мужемъ жена рѣшилась возвратиться къ родственникамъ (на это жена всегда имѣетъ право, если мужъ не выполняетъ брачнаго

договора), она беретъ съ собою и приданное, на которое налѣвшіе ее родственники не имѣютъ никакого права; въ этихъ случаяхъ заплаченный женихомъ калымъ долженъ быть полностью или значительною частью возвращенъ послѣднему родителями возвратившейся домой дочери.

Благодаря этому обычаю, дѣти разведшейся жены всегда имѣютъ хоть какой-нибудь кусокъ хлѣба.

Такимъ образомъ, при существующемъ между киргизами многоженствѣ, допускаемомъ и ихъ древними обычаями, и магометанскою религіею, калымъ, въ сущности, должно считать одною изъ обдуманнѣйшихъ мѣръ обезпеченія семейства, однимъ изъ лучшихъ обычаевъ полудикаго народа.

Многіе достаточные люди заранѣе объявляютъ о богатомъ приданомъ своихъ дочерей, но выдаютъ ихъ не ранѣе того, какъ женихомъ будетъ выплаченъ весь или большая часть калыма.

Когда же бракъ заключенъ, приданое оказывается почти всегда болѣе назначеннаго калыма.

Между бѣдными приданое тоже по большей части превышаетъ калымъ (онъ состоитъ зачастую и въ особенности теперь, ни болѣе, ни менѣе какъ изъ одной лошади или быка; у богатыхъ даютъ и по 140 лошадей.*

Все имущество главы семейства находится на попеченіи его первой жены (байбиче-барыня) съ взятымъ

---

* Красовскій, стр. 46.

за нею приданымъ; взятое же за прочими женами приданое никогда не смѣшивается съ имуществомъ первой жены. Въ домашнемъ быту всѣ младшія подчиняются старшей.

Раздѣлъ имущества послѣ смерти отца тоже простъ: все дѣлится поровну между сыновьями, старшій сынъ получаетъ изъ вещей—лучшую; вышедшія же замужъ дочери ничего не получаютъ. Юрта каждой жены составляетъ собственность самаго младшаго ея сына; ему же принадлежитъ и все приданое на томъ основаніи, что младшему сыну съ этихъ поръ вмѣняется въ обязанность содержать и всѣхъ сестеръ. Все же семейство покойнаго остается на попеченіи его роднаго брата, который ничего изъ имущества не получаетъ, но на жену можетъ предъявить права. Есть, разумѣется, во всѣхъ этихъ правахъ множество разныхъ оттѣнковъ, есть разныя, разбираемыя судомъ тонкости, но коренные обычаи—тѣ же, что и въ глубокой древности, только нѣсколько измѣнившіеся, сообразно съ развитіемъ народа и вліяніемъ русскихъ.

Браки по обоюдному согласію жениха съ невѣстою, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ родителей, случаются и теперь, какъ, вѣроятно, они случались и прежде, какъ будутъ имѣть мѣсто и всегда,—героизмъ любящихъ сердецъ скорѣе восхваляется, нежели клеймится въ народныхъ пѣсняхъ, хотя строгое подчиненіе волѣ родителей прочно установлено.

Бѣгство просватанной невѣсты изъ отцовскаго дома и ея замужество съ человѣкомъ, котораго она выбрала, влекло и въ прежнее время убійства непокорныхъ

дѣтей; теперь же безчестіе съ семейства похищенной смывается грабежомъ (барантою) или уплатою калыма.

По мнѣнію киргизовъ, замужъ можетъ выходить всякая дѣвушка, которой минуло 12 лѣтъ, и потому если сговоръ былъ по прошествіи этого срока совершеннолѣтія, то у бѣдняковъ дѣло въ долгій ящикъ, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ жениха—не откладывается и свадьбу празднуютъ въ то же лѣто, въ которое было формальное сватовство. У людей средняго состоянія женитьба откладывается до слѣдующаго лѣта, а у людей достаточныхъ, особенно если богатый беретъ бѣдную невѣсту, скрѣпленіе дружбы длится годами, причемъ женихъ при всякомъ своемъ посѣщеніи родителей невѣсты долженъ привозить имъ подарки.

Обрядъ совершенія бракосочетанія самый простой: въ день свадьбы или вывоза молодой въ аулъ, договоръ подтверждается женихомъ во всеуслышаніе, при многихъ свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ находится кто-нибудь изъ почетныхъ киргизъ. Отобѣдавъ у отца невѣсты, гости сопровождаютъ молодыхъ въ аулъ отца мужа (богатые надѣваютъ на голову невѣсты конусообразную шапку, украшенную кораллами, жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями), гдѣ ужинаютъ—и всему дѣлу конецъ.

Погребеніе и поминки. Смерть достаточнаго владѣльца въ аулѣ—событіе первостепенной важности, потому что черезъ три дня послѣ погребенія происходитъ раздѣлъ имущества, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступаютъ для жителей аула и кое-какіе новые порядки.

Умершаго обмываютъ, заворачиваютъ въ бѣлую бязь и кладутъ на лучшій коверъ; призванный мулла передъ входомъ въ юрту читаетъ молитву; по окончаніи молитвы, трупъ зашиваютъ въ бѣлый войлокъ и кладутъ въ могилу.

Если смерть приключилась лѣтомъ, то хоронятъ на другой день; если же зимою, въ очень холодные дни, то выжидаютъ теплыхъ весенниихъ дней, и до этого времени трупъ припрятываютъ въ безопасномъ отъ хищныхъ звѣрей мѣстѣ. Передъ выносомъ, мулла опять читаетъ отходную и затѣмъ опускаетъ тѣло или въ могилу—яму, или въ склепъ, очень красивой архитектуры, въ видѣ мечети. Такіе памятники, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ, какъ я уже говорила раньше,—чрезвычайно оживляютъ и украшаютъ степь.

Въ продолженіи всей церемоніи похоронъ не унимается плачъ женщинъ.

По убѣжденію киргизъ, тѣнь умершаго присутствуетъ цѣлый годъ въ аулѣ, и чѣмъ болѣе страдаетъ умершій, тѣмъ хуже его поминаютъ.

Въ силу этого убѣжденія, дни поминовенія умершихъ празднуются киргизами съ такимъ торжествомъ, какимъ не отличается ни одинъ изъ ихъ семейныхъ праздниковъ: устраиваются скачки, раздаются призы. Кромѣ званыхъ не возбраняется выѣзжать на байгу (скачку) со своими скакунами и всѣмъ желающимъ выиграть призъ; такимъ образомъ частный праздникъ обращается въ народный, продолжающійся два-три дня. Родные покойника всѣхъ кормятъ и угощаютъ.

Выставляется на видномъ мѣстѣ юрта покойника со всѣми его драгоцѣнностями; у дверей ставится длинный шестъ, на которомъ развѣвается черный флагъ, если покойникъ былъ старъ, а ежели молодой—то бѣлый. Поминки начинаются тѣмъ, что въ юртѣ покойника мулла читаетъ молитву, женщины всхлипываютъ, высчитывая добрыя качества умершаго. Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, разныя забавы и бѣга. Бѣгутъ обыкновенно за 15—30—40 верстъ и болѣе. Назначаемые лучшимъ лошадямъ призы иногда бываютъ очень цѣнны, такъ, напримѣръ, у богачей первый призъ 1000 барановъ, или даже 10 верблюдовъ (теперь, впрочемъ, такихъ богатыхъ нѣтъ).

Всѣхъ призовъ обыкновенно назначается девять. Послѣдняя, т.-е. девятая, лошадь получаетъ коверъ рублей въ 20—25, а то и лошадь въ такую-же цѣну, или 10 барановъ.

Народные праздники. Кромѣ частныхъ, имѣются у киргизъ и другіе торжественно проводимые дни, чтимые всѣмъ народомъ безъ исключенія. Къ такимъ относятся: встрѣча новаго года или, точнѣе сказать, праздникъ весны, начинающійся у киргизъ мартомъ мѣсяцемъ, а затѣмъ праздникъ въ память принесенія Авраамомъ въ жертву сына своего Исаака.

Первый праздникъ сопровождается многими играми. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе курьезныхъ, я скажу нѣсколько словъ.

Въ первый день праздника весны всѣ встаютъ съ восходомъ солнца, часа въ три, одѣваются въ лучшія

платья и подъ открытымъ небомъ творятъ молитву; потомъ всѣ садятся на лошадей, выгоняютъ скотъ въ поле и, прибывъ на условленное мѣсто занимаются ѣдой. Дѣвушки, разряженныя въ пухъ и прахъ, собираются въ кругъ и, выбравъ самую красивую, усаживаютъ на лошадь (всѣ онѣ отличныя наѣздницы) и пускаютъ вскачь. Дѣвушку догоняютъ нѣсколько джигитовъ, имѣющихъ цѣлью поцѣловать ее; отъ такого домогательства дѣвушка обороняется плетью, никого не щадя. Обнявшій и поцѣловавшій имѣетъ право жениться, если, конечно, на то послѣдуетъ согласіе невѣсты.

Второй праздникъ—Авраамовъ начинается съ того, что скачущій верхомъ киргизъ держитъ въ рукахъ живого козла,—его догоняютъ и разрываютъ козла живьемъ на части. Сначала должны вырвать ноги, а затѣмъ уже рвать на куски не разбирая. Этотъ невѣжественный обычай привлекаетъ всегда массу народа.

Затѣмъ наступаетъ борьба, бѣганье взапуски, соревнованіе въ прожорливости; нерѣдко бравый молодецъ съѣдаетъ въ одинъ присѣстъ къ столу цѣлаго ягненка или выпиваетъ казанъ кумысу. Молодежь забавляется вытаскиваніемъ монетъ изъ большаго казана, наполненнаго молокомъ или водою: шутникъ долженъ произвести эту операцію ртомъ, т.-е. окунуться, выпачкаться, иногда захлебнуться и тѣмъ посмѣшить публику.

Наконецъ, всегдашнюю обстановку всѣхъ киргизскихъ праздниковъ составляютъ пѣсни. О музыкѣ киргизы имѣютъ смутное понятіе,—кромѣ дудки, кобзы или

балалайки у нихъ нѣтъ другихъ инструментовъ. Музыканты у киргизъ находятся въ полномъ пренебреженіи. Грубый чувствами дикарь, успѣвшій до сихъ поръ воспитать свой слухъ только блеяніемъ овецъ, да воемъ волковъ, свое зрѣніе—безжизненными картинами степи,—мелодій отъ пѣсенъ не требуетъ, а потому ее и нѣтъ въ пѣсняхъ киргиза; нѣтъ также въ тѣхъ пѣсняхъ ни рифмы, ни содержанія, но пѣть киргизъ любитъ. Онъ воспѣваетъ все то, что въ извѣстный моментъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ. Верблюдъ въ пѣсняхъ всегда сравнивается съ какимъ-нибудь почтеннымъ, всѣми уважаемымъ аксакаломъ.

Самою большою любовью пользуются у киргизовъ разскащики. Болѣе или менѣе остроумнаго разскащика на народныхъ праздникахъ всякій богатый человѣкъ старается залучить въ свою юрту, потому что это значитъ собрать къ себѣ всѣхъ почетныхъ киргизъ. Тутъ импровизаторъ, воспѣвающій нынѣшнія явленія общественной жизни, даетъ поводъ къ сужденіямъ и цѣлымъ ораторскимъ рѣчамъ біевъ (киргизскіе старшины и судьи). Мнѣнія этихъ послѣднихъ всегда выслушиваются съ большимъ вниманіемъ, даже съ благоговѣніемъ. Изъ приглашаемыхъ разскащиковъ большимъ умомъ ни одинъ не отличается, но остроуміемъ—всегда. У него нѣтъ большихъ, нежели у его слушателей, знаній, но есть способность разсказать извѣстный случай; нѣтъ желанія здраво анализировать извѣстную сторону общественной жизни, не развита въ немъ способность мышленія настолько, чтобы, при помощи анализа, умѣть объяснить то или другое явленіе природы, но за то

онъ обладаетъ ловкостью указать въ числѣ своихъ слушателей на благодѣтелей, умѣньемъ заставить ихъ сдѣлаться щедрыми на подарки.

Кочевое населеніе, до укорененія русскихъ учрежденій, отличало у себя: высшій классъ, т.-е. хановъ и потомковъ ихъ, носившихъ названіе султановъ, и—низшій.

Наше правительство сначала оставило султановъ, но убѣдившись въ томъ, что они оказались вредными проводниками нашихъ законовъ, да притомъ и не пользовались уваженіемъ народа—уничтожило ихъ. Въ настоящее время въ кочевомъ населеніи замѣчается три класса: чиновники, т.-е. должностные и всѣ имѣющіе чины или другіе знаки отличія; между ними первое мѣсто занимаютъ волостные начальники, всегда выбранные большинствомъ голосовъ; біи—судьи, и третій классъ составляютъ всѣ остальные киргизы, а прежнихъ, неслужащихъ султановъ, называютъ лишь «тюре» (господинъ), тогда какъ прежде его величали «алдіаръ то кенръ», т.-е. будь благословенъ отъ Бога, высочайшій господинъ.

Всѣ, имѣющіе офицерскіе и гражданскіе чины, пользуются правами личнаго дворянства; въ потомственное возводятся лица, оказавшія особенныя заслуги и преданность правительству, а также бывшія три трехлѣтія въ должности старшаго султана.

Среди кочеваго населенія еще одинъ классъ пользуется особыми преимуществами—это классъ, торгующій по волостямъ. Къ нему принадлежатъ: татары, ташкентцы и, наконецъ, называемые безразлично купцами.

Не платя податей и избавляясь отъ всякой повинности, многіе изъ нихъ записаны купцами въ городахъ Сибири или европейской Россіи, и потому въ разрядъ кочевыхъ жителей не входятъ; но очень много есть и такихъ, которые, постоянно кочуя съ киргизами и пользуясь всѣми выгодами торговли, никакихъ сборовъ не платятъ ни правительству, ни волостнымъ обществамъ, а между тѣмъ, черезъ отводъ земель этимъ пришельцамъ, самъ киргизъ стѣсненъ въ земельныхъ пастбищахъ. Ни мѣстожительство всѣхъ этихъ лицъ, ни ихъ число въ ясность не приведены, хотя многократно къ этому дѣлались попытки.

Цѣлыя толпы русскихъ мелкихъ чиновниковъ: толмачи, письмоводители, писаря, засѣдатели, и т. д., пользуются также всякими льготами. Щедро уплачивая ихъ долю, киргизы смотрятъ на нихъ снисходительно.

Есть еще одинъ разрядъ киргизъ, которыхъ нельзя назвать кочевыми жителями, но которые не причисляются и къ осѣдлымъ, это—джатаки.

Эти послѣдніе, лишившись возможности кочевать и не найдя пристанища у родственниковъ, пристраиваются къ степнымъ селеніямъ и городскимъ предмѣстьямъ. Не имѣя средствъ построить себѣ избу или завести юрту, бѣдняки круглый годъ живутъ въ рваныхъ, полуразвалившихся юртахъ, или пристраиваются на дворахъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ нашли себѣ работу. Нѣкоторые изъ нихъ числятся въ своихъ аулахъ и, поправивъ средства (что рѣдко встрѣчается), откочевываютъ, но большая часть стоитъ постоянно около избранныхъ ими по своему желанію мѣстъ, подвергаясь за право стоянки нѣкоторымъ сборамъ.

Безъ этихъ неутомимо трудящихся работниковъ, русскія селенія находились бы въ самомъ жалкомъ положеніи, а еслибы только было приведено въ исполненіе намѣреніе нѣкоторыхъ отогнать въ аулы этотъ полѣзнѣйшій народъ, жизнь въ степныхъ станицахъ, да и степныхъ городахъ, при полной бездѣятельности казаковъ стала бы просто невозможностью.

Относительно судопроизводства могу сказать, что управляются киргизы общественнымъ судомъ; во главѣ его стоятъ: біи (судьи), старѣйшины, аксакалы.

Біи пользуются повсемѣстнымъ уваженіемъ киргизъ. Неисполнить приказанія бія или старѣйшины всегда выговаривающаго это приказаніе въ присутствіи другихъ свидѣтелей—для киргиза невозможно. Біи выбираются киргизами и утверждаются правительствомъ. Имъ дается особый металлическій знакъ на цѣпи, которую онъ надѣваетъ на себя во время служебныхъ обязанностей, подобно нашимъ мировымъ судьямъ.

Генералъ Колпаковскій, будучи степнымъ генералъ-губернаторомъ, много внесъ улучшенія въ краѣ, много способствовалъ культурѣ не только казака, но киргиза въ особенности: завелъ киргизскія школы, устроилъ интернаты, завелъ больницы (киргизскія), отдавалъ киргизскихъ дѣтей въ разныя учебныя заведенія, и въ 1887 году даже послалъ одного, окончившаго учительскую семинарію киргиза и служившаго чиновникомъ особыхъ порученій при семипалатинскомъ губернаторѣ Омра-Аутбакенъ,—въ томскій университетъ съ назначеніемъ стипендіи.

Зная отлично киргизскій языкъ, зная ихъ бытъ, характеръ, особенности, словомъ весь складъ ихъ жизни, чуть не каждый, занимаемый киргизомъ клочекъ земли, генералъ былъ очень доступнымъ во всѣ часы дня и ночи; зачастую самъ отъ нихъ принималъ прошенія, самъ разспрашивалъ, разговаривалъ и выслушивалъ жалобы. По этому поводу есть очень много, передающихся изъ устъ въ уста, разсказовъ и курьезовъ. Иногда чиновники, не зная о томъ, что генералъ говоритъ по киргизски, попадали въ неловкое положеніе, ведя распри, или рѣшая дѣла съ киргизами въ присутствіи генерала; онъ при огромной свей добротѣ подвергалъ виновнаго строгому взысканію за его обратный переводъ киргизской рѣчи... Будучи еще губернаторомъ и сталкиваясь съ киргизами ближе и чаще, онъ самъ лично выслушивалъ ихъ жалобы и требованія, и своимъ геніальнымъ умомъ всегда рѣшалъ, какъ лучше. Среди киргизскаго народа онъ пользовался большою популярностью, любовью и довѣріемъ.

Любимымъ начальникомъ киргизъ, настоящею для нихъ властью остаются аульные старшины—пользующіеся казеннымъ жалованьемъ; народъ довѣряетъ имъ безусловно, и ни одно дѣйствіе не предпринимается безъ ихъ совѣта.

Другая, любимая народомъ, власть—это его біи (судьи); они выбираются не изъ именитыхъ, а простыхъ людей, но хорошо знающихъ ихъ условія жизни, способъ умиротворенія спорящихъ людей, и потому-то слово бія, отдавшаго приказаніе, считается священнымъ; противъ судейскихъ рѣшеній неиспортившійся киргизъ

никогда не станетъ апеллировать, хотя и имѣетъ на это право. Въ уставѣ о сибирскихъ киргизахъ сказано: если-бъ кто рѣшеніемъ не былъ доволенъ, тогда, съ представленіемъ ясныхъ доказательствъ, можетъ обжаловать дѣло письменно областному начальнику, т.-е. губернатору. Киргизъ твердо убѣжденъ, что судья, за неправый судъ отдастъ отчетъ на томъ свѣтѣ.

По закону, только тотъ судъ дѣйствительный, который производится по крайней мѣрѣ при трехъ свидѣтеляхъ. Женскій полъ въ свидѣтельство не допускается. Выбранные судьи, какъ и свидѣтели, должны быть признаны обѣими тяжущимися сторонами.

Рѣшеніе суда приводится въ исполненіе въ присутствіи тѣхъ-же свидѣтелей, и по возможности скоро или тотчасъ.

Судья, каково-бы ни было состояніе тяжущихся и какое-бы ни было дѣло, всегда получаетъ одну и ту же опредѣленную часть съ иска, различную только въ различныхъ мѣстностяхъ степи—отъ куска ситцу до 5—8 лошадей или барановъ. Для рѣшенія важныхъ дѣлъ, въ совѣщаніи должно участвовать не менѣе 8—24 судей, изъ среды которыхъ выбирается предсѣдатель.

Такой простой, скорый, неотяготительный для населенія и всегда дѣйствительный судъ могъ появиться среди полудикаго народа потому, что въ нихъ есть присущія всѣмъ людямъ добрыя начала, успѣвшія вылиться въ форму священныхъ для народа обычаевъ. На одномъ изъ таковыхъ—на обычаѣ изгонять изъ своего общества лжесвидѣтеля—строится все зданіе ихъ суда. Ложно присягнувшій лишается покровительства общества,

его имущество можетъ быть разграбленнымъ безнаказанно, онъ самъ убитъ, и проч. Воровство,—какъ тайное завладѣніе чужою собственностью если эта собственность не скотъ, грабить который — барантавить считается удальствомъ, хотя наши законы, т.-е. отвѣтственность за баранту, значительно сократили этотъ гнусный обычай), въ степи, между киргизами—неизвѣстно. Среди киргизскаго населенія, если тамъ нѣтъ русскихъ, можете оставить свой домъ открытымъ и уѣхать на недѣлю-другую—и все будетъ цѣло.

Относительно повинностей кочевыхъ жителей нѣкоторыя, кромѣ кибиточныхъ податей,—содержаніе въ исправности дорогъ; всѣ мѣстныя обязанности при переходѣ войскъ; препровожденіе арестантовъ; возка летучихъ почтъ; дача лошадей для поѣздокъ командированнымъ по дѣламъ службы вдоль почтовыхъ трактовъ; затѣмъ: вожаки, проводники, сторожа, и проч.,—все это лежитъ на ихъ обязанностяхъ. Въ Оренбургской губерніи посыльный, вожакъ, всякій почтарь получаетъ вознагражденіе и продовольствіе. Въ области сибирскихъ киргизъ ничего подобнаго никогда не было. Посылается-ли почтарь на своей лошади, берется-ли для него чужая—никакого вознагражденія онъ за свой трудъ не получаетъ. Добровольныя вознагражденія, хотя и случаются, но на нихъ киргизъ мало разсчитываетъ. Никто ему не дастъ на дорогу ни кусочка хлѣба, хотя-бы ему пришлось проскакать сотню верстъ. Правда, что его во всякомъ аулѣ накормятъ, но можетъ случиться и такъ, что ѣхать прійдется нѣсколько дней по безлюдью: въ этомъ случаѣ онъ довольствуется тѣмъ

кумысомъ и горстью жаренаго проса, что захватилъ съ собою, а если нѣтъ и этого, то два дня не ѣстъ.

Извѣстный естествоиспытатель Бремъ, путешествуя по Сибири и имѣя, кромѣ киргизъ-проводниковъ, и нѣсколько лучшихъ казаковъ—никогда ни одному ничего не давалъ и не заботился объ ихъ желудкахъ. Разъ какъ-то за мастерски исполненное (и при этомъ трудное) порученіе однимъ изъ казаковъ Бремъ далъ ему 10 копеекъ, но послѣдній ихъ не взялъ. Ученый такъ обидѣлся, что бросилъ гривенникъ въ сторону. Всѣ эти знаменитые ученые и путешественники по Сибири до невѣроятности бывали разсчетливы, умѣя при этомъ пользоваться всегда щедрыми услугами. Исключеніе представляетъ только англійскій путешественникъ г. Литльдель, посѣтившій въ 1889 году Западную Сибирь, и за все щедро платившій. Киргизъ, какъ я уже говорила выше, не особенно любитъ деньги—онъ предпочитаетъ быть сытымъ. Мой мужъ, охотясь въ горахъ и степи по двѣ недѣли и имѣя при себѣ добровольно пристроившихся киргизъ-охотниковъ, всегда ихъ продовольствовалъ, не считая, разумѣется, части охотничьей добычи, которую всегда имъ отдавалъ. Какъ отличный стрѣлокъ и охотникъ, мужъ пользовался среди киргизъ извѣстностью и любовью—всѣ почти аулы его знали и объ его охотѣ со свойственной киргизу страстью все преувеличивать—разсказывались чудеса.

Въ подтвержденіе моихъ словъ о любви киргизъ къ ѣдѣ и спокойному отношенію къ деньгамъ, я разскажу слѣдующій эпизодъ.

Въ 1888 году мы жили въ Зайсанскомъ посту, расположенномъ на сѣверномъ склонѣ предгорія Саура, въ 60 верстахъ отъ китайскаго города Доробулджина. Въ маѣ мѣсяцѣ прямо изъ Лондона пріѣхалъ къ намъ англійскій путешественникъ Литльдель съ супругою и двумя спутниками. Передавая мужу письмо нашего губернатора, въ которомъ послѣдній просилъ оказать англичанамъ всякое содѣйствіе, г. Литльдель сообщилъ, что пріѣхалъ поохотиться въ нашихъ горахъ и преимущественно на каменнаго альпійскаго козла, который остался еще въ дикомъ Алтаѣ, и просилъ при этомъ дать ему проводниковъ. Г. Литльдель—очень красивый, интеллигентный, чопорный, элегантный, развитой и очень образованный человѣкъ, объѣздившій весь свѣтъ и осмотрѣвшій всѣ наши азіатскія владѣнія, мало походилъ на записного путешественника, отыскивающаго преимущественно каменнаго козла. Онъ скорѣе походилъ на офицера генеральнаго штаба. У его спутниковъ, изъ которыхъ одинъ прекрасно чертилъ, были подробнѣйшія карты Россіи. Никто изъ нихъ ничего не понималъ по русски, хотя чертежникъ свободно читалъ на картѣ названія мѣстностей. Супруга г. Литльделя, повидимому, много его старше, очень живая, но вообще интересная женщина, четвертый годъ какъ пріѣзжаетъ въ Россію, подолгу останавливаясь въ разныхъ ея мѣстностяхъ. Она вела дневникъ и вообще всю переписку внѣшнюю и внутреннюю. Съ ними было много прислуги и переводчикъ, нанятый у насъ, въ Россіи. Въ теченіе 5—6 дней англичане были нашими интереснѣйшими собесѣдниками, имъ отыскали проводниковъ,

людей вполнѣ отвѣтствующихъ,—и направили по должному пути.

У насъ было въ обычаѣ, что хорошіе охотники-киргизы, но по бѣдности неимѣющіе ружей, приходили къ мужу, брали охотничьи ружьи, охотились съ ними мѣсяцъ-другой на медвѣдей, волковъ, лисицъ, кабановъ, архаровъ, мараловъ, козуль, сайгу, альпійскихъ козловъ, кулановъ, а изрѣдка попадались и тигры. Приходя и возвращая ружья, они у насъ жили нѣкоторое время, затѣмъ опять брали ружья, и такъ проходило все время нашего тамъ пребыванія.

Между ними былъ одинъ очень бѣдный киргизъ, хорошій стрѣлокъ и охотникъ, но тоже неимѣющій ружья. Обзавестись такому бѣдняку ружьемъ, за которое надобно заплатить рублей 30—мечта почти неосуществимая. Когда пріѣхалъ г. Литльдель съ просьбою дать ему проводниковъ, мужъ, въ числѣ другихъ, порекомендовалъ ему и этого, по имени Телео.

Г. Литльдель взялъ его охотно, назначивъ ему по пяти рублей въ сутки (вообще англичане денегъ не жалѣли). Для бѣдняка киргиза 5 рублей въ сутки, и такихъ сутокъ впереди много—являлись цѣлымъ состояніемъ.

Чрезъ 5—6 дней охотничья экспедиція съ надежными людьми—Джедигеромъ и извѣстнымъ, преданнымъ нашему правительству проводникомъ Мирзашемъ—отправилась. Параллельно съ ними и невѣдомо для нихъ мужемъ послана была на охоту и наша охотничья команда...

Прошло дня четыре; мы поѣхали за городъ. Навстрѣчу намъ плетется на своей чахлой лошаденкѣ охотникъ Телео.

— Что, братъ, спрашиваемъ:—англичане прогнали?

— Нѣтъ, зачѣмъ гонять, самъ ушелъ, худо было: стрѣлять не позволяютъ, кушать не даютъ, а только показывать звѣря велятъ. Два дня не ѣлъ, чаю не пилъ, а только бинокль таскалъ—не стóитъ.

Тутъ онъ началъ своеобразно разсказывать разныя подробности охоты, и до того смѣялся, что чуть не упалъ съ лошади.

— Ну, а деньги? Вѣдь, тебѣ давали пять рублей въ сутки! Это, вѣдь, очень много.

— Непадо денегъ: за три дня взялъ, два дня не ѣлъ, ушелъ... Плохая охота, плохіе охотники... Но за то ружье! Тутъ онъ ужъ только руки возвелъ къ небу, словами не умѣлъ выразить всѣхъ его достоинствъ.

Двѣ-три недѣли г. Литльдель охотился. Киргизы-охотники ушли отъ него раньше, а Джедигеръ и Мирзашъ, которому платили семь рублей въ сутки, сопровождали ихъ все время въ нашей области.

Проводникъ Мирзашъ стоитъ того, чтобъ на немъ нѣсколько остановиться. Мирзаша знаетъ вся степь, все кочевое сибирское населеніе;—это легендарный герой, увидать котораго хоть разъ въ жизни считается между киргизами за счастье. Этотъ человѣкъ (80-ти лѣтъ) считался извѣстнымъ барантачемъ, грабителемъ скота, пожалуй даже разбойникомъ, но разбойникомъ, нападающимъ на дурныхъ и тоже разбойниковъ, и защищающій слабыхъ и достойныхъ. Все его тѣло было испещрено слѣдами сабельныхъ или ятаганныхъ

ударовъ и, вообще, разными знаками борьбы. Онъ славился храбростью, смѣлостью, ловкостью и находчивостью баснословной. Небольшого роста, пріятной наружности, сгорбленный, но все еще лихо сидящій на конѣ, по свидѣтельству всѣхъ, онъ на своемъ вѣку отбилъ нѣсколько тысячъ головъ скота, освободилъ массу китайскихъ киргизъ отъ пытокъ и смертной казни, подбиралъ одинокихъ дѣтей, воспитывалъ ихъ, снабжалъ приданымъ, если это были дѣвицы, и устраивалъ ихъ судьбу (такихъ онъ насчитываетъ сотнями), зналъ степь и весь Китай—какъ свои пять пальцевъ. Переживалъ всякія положенія, сопутствовалъ всякихъ лицъ и особъ, между прочимъ и нашего Пржевальскаго въ первыя двѣ его экспедиціи, и довольствовался тѣмъ, что ему давали эти піонеры науки,—зачастую словомъ «спасибо». Не смотря на полную возможность быть богатымъ, онъ умеръ (три года тому назадъ) въ полной бѣдности. Послѣднія, заработанныя имъ деньги были деньги Литльделя, и затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, волостной послалъ его съ однимъ только помощникомъ отбить большое стадо. Мирзашъ долго отказывался, но затѣмъ, увѣренный въ своемъ счастьи, согласился. Сначала ему удалось угнать стадо, но затѣмъ восемь противниковъ догнали его, стали бить, проломили черепъ, и полагая, что онъ уже мертвъ—ускакали, а помощникъ Мирзаша, пользуясь темнотою ночи, ловко спрятался.

Мирзашъ, обратясь къ своему товарищу, находившемуся недалеко, сказалъ, ощупывая голову и указывая на темя: «Здѣсь у меня что-то мягко—должно быть сейчасъ умру», и тутъ же скончался.

—

Приближались къ городу Семипалатинску. Морозная звѣздная ночь; дорога идетъ необозримою снѣжною степью. Мысль, неотвлекаемая ничѣмъ внѣшнимъ, вернулась къ прошлому, недавно покинутому, вѣчно холодному, индеферентному, но нарядному и улыбающемуся Петербургу. И какая страшная разница: здѣсь воздухъ прозраченъ, небо ясное, просторъ необъятный, иные люди, другой говоръ, другой обычай, иной характеръ во всемъ!...

Въ духовно-физической организаціи сибиряка прежде всего замѣчается больше, чѣмъ въ развитіи европейско-россійскаго народонаселенія, проявленіе разныхъ рѣзкихъ измѣненій и уклоненій. Они обусловлены многими неблагопріятными обстоятельствами при первоначальномъ заселеніи страны и первыхъ столкновеніяхъ съ другими расами. Путешественникъ на каждомъ шагу поражается рѣзкими контрастами и хаотическимъ смѣшеніемъ всевозможныхъ противорѣчій и крайностей; но почти повсюду замѣчаются умственныя дарованія, которыя, впрочемъ, поставлены въ такія исключительныя условія, что выдающаяся умственная сила, подавленная въ своей средѣ, должна вырваться изъ нея, чтобы найти примѣненіе.

Сравнивая мыслительную способность «россійскихъ» (какъ они говорятъ про европейскаго русскаго) людей съ природными сибиряками, можно сказать, что россійскій человѣкъ, преимущественно городской, болѣе развязенъ въ своихъ сужденіяхъ. У него эмпирическія знанія разнообразнѣе, разсудочныя способности болѣе культивированы, разсказы разнообразнѣе, рѣчь обильнѣе,

съ большою примѣсью словъ книжнаго языка; сибирякъ, наоборотъ, первобытнѣе. Умъ его менѣе гибокъ, но логическіе пріемы его мышленія несравненно болѣе развиты. Разсудокъ преобладаетъ надъ чувствомъ; эта холодная разсудочность, практическая разсчетливость сибиряковъ или преобладающая наклонность къ реалистическому и положительному взгляду на вещи подавили въ немъ почти всякое идеалистическое умонастроеніе. Онъ совершенно чуждъ мистицизма, болѣе утилитаристъ и матеріалистъ. Эти черты подмѣчаются и въ языкѣ: Словцовъ говоритъ, что сибирскій разговоръ лѣнивъ, холоденъ, безъ легкомыслія, нетекучъ и малословенъ.

При разсудочности и практическомъ взглядѣ, умонастроеніе сибпряковъ въ значительной степени отличается юмористическими наклонностями. Но эта способность не проявляется пока ни въ критикѣ, ни въ сатирѣ, а сохраняется только въ проявленіяхъ обыденной жизни. Сибирякъ на многія традиціонныя учрежденія или принципы и правила смотритъ гораздо свободнѣе и смѣлѣе, чѣмъ великорусскій народъ, онъ руководствуется болѣе натуральными чувствами, потребностями и побужденіями. Умъ великоросса отличается историко-традиціоннымъ воспитаніемъ, а умъ сибиряка характеризуется непосредственно натуральной дрессировкой. Въ умонастроеніи сибиряка болѣе отпечатлѣлось вліяніе дикой природы; оно характеризуется забывчивостью всякихъ историческихъ традицій, утратой поэзіи и отсутствіемъ всякаго идеальнаго чувства и поэтической мечтательности. Никакихъ преданій, никакихъ сказаній, ничего подобнаго! Даже эпоха Ермака

не оставила никакихъ слѣдовъ—забыта. У сибиряка нѣтъ ни одной оригинальной пѣсни. Не одинъ умъ, а фантазія и чувства, возвышая человѣка надъ всѣми прочими существами, раждаютъ способность постигать и творить изящное. Стройность, согласіе и соразмѣрность частей въ какомъ-нибудь цѣломъ составляютъ прекрасное, а свойство идей развивать и возвышать прекрасное образуетъ источникъ красотъ идеальныхъ. Стихотворецъ и музыкантъ дѣйствуютъ въ мірѣ чисто идеальномъ. Сибирякъ не понимаетъ красотъ ни музыки, ни поэзіи. Съ одной стороны вліяніе тайги, дикой, молчаливой дубровы, съ другой—промышленный авантюризмъ пріѣзжихъ помѣшалъ ему развить въ себѣ мягкость чувствъ, тонкость понятій. Онъ угрюмъ, потому что одинокъ и ведетъ суровую жизнь. Онъ недовѣрчивъ, скрытенъ: двѣсти лѣтъ такой жизни лишили его музыкальнаго чутья и поэтическаго творчества. Онъ не умѣетъ ни восторгаться, ни восхищаться, ни удивляться. Коренной сибирякъ смотритъ на природу, какъ на мертвую массу. Вообще, бѣдность поэтическаго творчества на востокѣ отразилась необыкновенною скудостью въ художественныхъ очертаніяхъ злого духа. Въ XVII вѣкѣ чортъ начинаетъ играть въ русской сказкѣ уже большую роль. Его исторія въ художественномъ отношеніи получаетъ различныя ступени своего развитія, и наша русская сказка, всегда вѣрная природѣ, воспользовалась этимъ для развитія своей фантазіи. Сибирякъ не вѣритъ въ чорта. Въ Сибири сказокъ (кромѣ одной, замѣчательной, «Конекъ-Горбунокъ», написанной сибирякомъ Ершовымъ) нѣтъ.

Дѣтскаго возраста въ Сибири мало; дѣти какъ-то сразу, по своему умственному развитію, дѣлаются большими.

То же повторяется и съ историческими преданіями.

Въ сибирской жизни, бѣдной впечатлѣніями, за неимѣніемъ предметовъ, могущихъ удовлетворять эту любознательность, является склонность ко всякимъ неожиданнымъ зрѣлищамъ. Вѣроятно, театръ когда-нибудь будетъ имѣть тамъ огромный успѣхъ.

Самоувѣренность и гордость своими особенностями господствуетъ въ коренномъ сибирскомъ населеніи. Если сибирякъ протягиваетъ вамъ дружелюбно руку и скажетъ «вы, россійскій», то это значитъ, что онъ вамъ не землякъ, а крайняя ему противоположность. Быстрота воспринятія культуры, всякихъ нововведеній, новыхъ привычекъ—совершается необыкновенно быстро. Всякая новизна, разъ она пришлась по вкусу, жадно воспринимается и переходитъ въ массу, дѣлается общимъ достояніемъ.

Итакъ, въ характерѣ сибиряка сходятся разнородныя черты, покоренныя жизнью, природою и историческимъ складомъ: отступленіе отъ культурныхъ привычекъ, холодная разсудочность, несогрѣваемая чувствомъ, часто огрубѣлость сердца, отсутствіе идеальныхъ стремленій, преобладаніе индивидуалистическихъ и своекорыстныхъ мотивовъ. Съ другой стороны: умъ, любознательность, энергія, практичность, умѣнье ориентироваться, находчивость, характеръ, самобытность, самостоятельность и способность къ самодѣятельности. Нѣтъ круга идей, въ которыхъ бы сибирякъ не ориентировался при помощи здраваго смысла.

Выдающеюся чертою сибиряка является наклонность къ простору и волѣ. Жизнь, колоніи, при извѣстномъ просторѣ, при вольнонародной колонизаціи, отсутствіе въ Сибири крѣпостнаго права, не могли не наложить на населеніе своего отпечатка. Въ виду этого, оно является болѣе независимымъ. Сибирь, правда, много перенесла отъ неблагонамѣренныхъ лицъ; но это все-таки не могло подавить жизни. Сибирскій крестьянинъ о гнетѣ въ экономической сферѣ, въ смыслѣ ограниченія пользованія благами природы, не имѣетъ даже понятія. Свобода пользованія извѣстными благами укоренила въ немъ извѣстное міросозерцаніе о присущемъ ему неотъемлемомъ правѣ на жизнь и распоряженіе этими благами.

Авантюристы, искатели счастья, являются сплошь и рядомъ изыскивать богатства и даже цивилизовать Сибирь, но въ сущности составляютъ язву края. Мѣстное населеніе называетъ ихъ «пришельцами, наѣзжими» и проч.

Сибирякъ, относясь къ нимъ крайне недружелюбно, перенимаетъ, между тѣмъ, отъ нихъ все подходящее, соотвѣтствующее. При подобныхъ условіяхъ являются весьма понятными и печать сибирскаго молчанія, и замкнутость въ себѣ. Это—плодъ историческаго раздумья.

Итакъ, стремленіе къ наживѣ, преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ общественными—господствуютъ. Объ этомъ г. Щаповъ говоритъ (и совершенно вѣрно) слѣдующее: «умъ сибиряка всецѣло поглощенъ матеріальной наживой, его увлекаютъ только текущіе

практическіе цѣли и интересы. Этотъ холодный расчетъ и корыстныя страсти подавили въ населеніи всякое идеальное настроеніе и даже «общественность».

Такимъ его воспитали бродячая жизнь и разрозненность въ лѣсахъ и степяхъ.

Не доѣзжая 30 верстъ до города Семипалатинска, остановились мы на станціи Глуховской отдохнуть, напиться чаю. На скамейкѣ въ просто обставленной комнатѣ, опершись на шашку, сидѣлъ офицеръ; задумавшись, онъ даже не взглянулъ на насъ, входящихъ.

Обыкновенно, встрѣчающіеся въ степи путешественники не только пристально оглядываютъ другъ-друга, но набрасываются съ распросами, совѣтами, предупрежденіями, и проч. Офицеръ сидѣлъ индиферентно; всталъ, прошелся по комнтѣ, затѣмъ опять сѣлъ.

Его изящная, гибкая фигура, молодое, красивое лицо, совершенно новенькое платье какъ-то не гармонировали съ апатичнымъ и грустнымъ его выраженіемъ. Лицо его было некрасивое, но представляло собою странное противорѣчіе: нижняя часть его—нѣжнаго идеальнаго очертанія, хотя по временамъ на топкихъ губахъ блуждала неопредѣленная, не то насмѣшливая, не то грустная улыбка,—верхняя выражала строгость, озабоченность.

— Вы, вѣроятно, тоже ожидаете лошадей? былъ мой естественный, какъ мнѣ казалось, вопросъ.

— Да, жду... какъ-то нехотя отвѣтилъ онъ:—но я не тороплюсь—некуда торопиться...

Разговорились. Оказалось, что молодой человѣкъ служилъ въ одномъ изъ полковъ въ Варшавѣ и по виду былъ его блестящимъ представителемъ. Нашлись общіе знакомые.

Николаевъ, такъ была его фамилія, говорилъ оживленно, мило и прекрасно; ни одного лишняго слова,— все точно и обдуманно, смѣло, остроумно, разнообразно, правда—слишкомъ серьезно.

Выраженіе лица поминутно мѣнялось; особенно поражалъ его взглядъ, вкрадчивый, ласкающій, строгій и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно-внимательный.

Въ глазахъ видѣлись грусть и стремленіе къ чему-то далекому, недоступному. По временамъ, однако, они точно сжимались, становились совсѣмъ другого цвѣта и принимали насмѣшливое выраженіе.

Я стала бранить Варшаву-Николаевъ, саркастически на меня глядя, отстаивалъ ея достоинства.

— Да, дорога мнѣ Варшава съ ея кипучею жизнью, цѣпью яркихъ фонарей.

— Зачѣмъ вы оставили Петербургъ?

— Зачѣмъ?.. при этомъ словѣ лицо рѣзко измѣнилось; глубокіе, полные ума и граціи глаза какъ-то потушились, на лобъ надвинулось нѣсколько характерныхъ морщинъ.

Долго длилось молчаніе, затѣмъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, онъ продолжалъ:

— Варшава—моя родина. Тотъ, въ комъ гнетущая проза мелочной жизни не успѣла еще задушить всѣ высокія, оживляющія чувства, тотъ, кто знаетъ и

цѣнитъ уголокъ земли, гдѣ онъ родился и гдѣ промелькнули блаженные дни его дѣтства, первые, беззаботные и, увы, невозвратные годы его жизни—легко пойметъ то чувство, какое я къ нему питаю. Тотъ обиженный, жалкій, у кого нѣтъ такого уголка!..

Быстро оборвавъ эту длинную рѣчь, онъ опять задумался. Я не рѣшалась прервать молчаніе.

— Да, я люблю Петербургъ, хотя онъ отнялъ у меня самое дорогое и невозвратное!

— Для васъ, имѣющаго всѣ права на жизнь, есть что-нибудь невозвратное? И когда вы успѣли терять? Въ ваши годы—и вѣра, и любовь, и надежда, и слава, и всѣ формы честолюбія должны имѣть не только смыслъ, но итти объ руку съ вами. Мнѣ кажется, что сила на вашей сторонѣ—умѣйте ею пользоваться.

— А гдѣ эта сила, которая, разрушая все, могла-бы вновь все передѣлать, была-бы властна предотвратить и тотъ страшный, но неизвѣстный конецъ, конецъ жизни — смерть?!.. Жизнь сулитъ небывалое счастье, неисчерпаемое наслажденіе, безконечную любовь: приходитъ смерть и единымъ взмахомъ крыла все разрушаетъ—вотъ конечная цѣль всего существованія; и путь этой цѣли ведетъ черезъ скорбь и муки... Въ чемъ-же надежда у несчастнаго, окончательно и безвозвратно и теряющаго то, что составляло и смыслъ и предѣлъ его стремленіямъ?

Какъ-то нервно провелъ онъ по головѣ рукою и грустнымъ голосомъ, еле слышно произнесъ:

— Въ Варшавѣ я схоронилъ свою невѣсту.

— Это было давно?

— Да, но такъ сохранились въ моей памяти не событія — они были несложны, но всѣ мельчайшія подробности, цѣлые разговоры, всѣ чувства, всѣ ощущенія того времени. Вокругъ меня всегда витаетъ рой воспоминаній, то улыбаясь, то терзая.

— Надобно забыть прошедшее, оно не можетъ удовлетворять настоящей дѣйствительной жизни, а жизнь сердца требовательна, какъ и всякая жизнь, и призраками питаться не можетъ. На каждомъ шагу вамъ попадаются и предметы, и люди, достойные вниманія и симпатіи.

— Забыть? Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ меньше смысла имѣетъ это слово. Она для меня не совсѣмъ умерла. Я каждый день вижусь съ ней и не измѣняю ей для новыхъ, чужихъ людей, съ которыми у меня нѣтъ ничего общаго. Мнѣ случается встрѣчать прекрасныхъ женщинъ, но я ищу въ нихъ одного: сходства — смутнаго, мимолетнаго подобія той... Ищу не для того, чтобы перенести на нихъ мою нѣжность, но чтобы сдѣлать мои воспоминанія еще болѣе жгучими, чтобы пережить сладкій, безумный мигъ иллюзіи...

— Вы вѣрно это сказали — всегда только мигъ... А вы охвачены безумной жаждой ея загробной любви?

Слушая эти слова, невольно сжалось сердце, и грустно и горько сдѣлалось за человѣка, за эту, повидимому, богато-одаренную молодость, за эту чуткую натуру. Слѣпое человѣческое сердце, лишенное чутья

и предчувствій! Не всегда ли свои лучшія минуты ты переживаешь въ прошедшемъ, теряя безъ вниманія драгоцѣнныя мгновенья настоящаго, вѣру и надежду въ лучшее будущее?!.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ эти однообразныя, безжизненныя стѣны, зачѣмъ вамъ злѣшніе люди, не имѣющіе съ вами ничего общаго?

— Люди вездѣ одни и тѣ же съ ихъ страстями и пороками, а стало быть и тутъ то-же горе, тѣ-же страданія и та-же неумолимая, безпощадная и всепожирающая смерть... Люди все тѣ же, да я то сталъ другой!..

— Вы далеко ѣдете?..

— Въ городъ Семипалатинскъ.

— Какъ, мы съ вами ѣдемъ въ одинъ городъ, удивленно спросила я,—и надолго?

Николаевъ, не торопясь, отвѣтилъ:

— Ѣду туда служить, а надолго-ли, право не знаю; это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и тѣхъ людей, которые мнѣ надоѣдятъ своимъ участіемъ и желаніемъ развлекать. Я люблю одиночество и не переношу сочувствія.

— Но есть прямое, безкорыстное сочувствіе, которымъ никто не тяготится.

— Во всякомъ случаѣ, это непрошенный гость, произволъ надъ слабымъ, который подъ давленіемъ тяжелыхъ ощущеній не всегда сумѣетъ во время воспротивиться... Что можетъ быть со мною дальше, — я и самъ не знаю.

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ бы очень хотѣлось докончить нашъ начатый разговоръ. Я могу надѣяться, что вы намъ не откажете въ вашемъ пріятномъ обществѣ. Поговоримъ еще разъ о Европѣ, вспомнимъ старое, присмотримся вмѣстѣ къ новому, и ужь, конечно, не грустному, а курьозному, оригинальному, самобытному—тому, чего вы никогда не видали, о чемъ и понятія не имѣете!..

— Я пріѣхалъ трудиться, работать... Право, некогда будетъ заниматься курьозами захолустной жизни.

— Нашъ домъ всегда для васъ открытъ. Въ немъ вы найдете сердечное гостепріимство, дружбу и искреннее желаніе видѣть васъ въ другомъ, болѣе лучшемъ настроеніи.

Николаевъ всталъ; лицо его на мгновеніе освѣтилось пріятной улыбкой. Эта улыбка, мягкость голоса, непринужденность движеній составляли прекрасную гармонію и свидѣтельствовали о хорошемъ воспитаніи и далеко не полной разочарованія жизни.

— Я очень радъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, боюсь только, что мое общество вамъ надоѣстъ.

— Кто кому надоѣстъ—это покажетъ время, а пока мы дружески вамъ жмемъ руку, говоря «до скораго свиданія» — вѣдь, сегодня вечеромъ мы пріѣдемъ въ Семипалатинскъ...

— Я здѣсь ночую, хочу пріѣхать въ городъ днемъ, при солнцѣ.

— Въ такомъ случаѣ, завтра мы ждемъ васъ къ себѣ обѣдать.

ГОРОДЪ СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Нынѣшній городъ Семипалатинскъ (а прежде крѣпость, основанная въ 1718 году), раскинутый на правомъ, низменномъ берегу рѣки Иртыша, имѣетъ очень древнее происхожденіе.

По словамъ лучшаго знатока и изслѣдователя Сибири, извѣстнаго въ литературномъ и ученомъ мірѣ, г. Ядринцева, въ 107 году до Р. Х. китайцы распространяли свое хлѣбопашество на западъ до страны Чьянь-май (что значитъ Семипалатинскъ), до Иртыша и Оби.

Въ давно-прошедшее историческое время здѣсь была иная цивилизація; преданія и сохранившіяся тунгузскія племена говорятъ, что тутъ находился китайскій дворецъ, построенный на семи холмахъ съ семью башнями, отчего и городъ называется Семипалатный.

Есть свидѣтельство, что самая Монголія и ея степи представляли въ древнія времена иной видъ, иной былъ климатъ, иныя физическія условія.

Жизнь средней Азіи, бурная въ своихъ проявленіяхъ, неограниченная условіями гражданскаго общежитія, широкая, какъ степи, и свободная, какъ ея сыны, исчезла почти безслѣдно и безвозвратно, уступивъ мѣсто другой, высшей цивилизаціи запада, представители которой приносятъ ей лучшіе идеалы, какъ драгоцѣнный даръ любящихъ дѣтей любимой матери.

Городъ Семипалатинскъ былъ всегда большимъ торговымъ пунктомъ. Въ концѣ XVII вѣка замѣчается преобладаніе китайскаго товара (серебро въ слиткахъ, чай, шелковыя матеріи, и проч.) Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на обширномъ рынкѣ, каковымъ представляется киргизская степь, спорятъ между собою русскія, средне-азіатскія и частью китайскія произведенія; а ташкентцы стараются удержать за собою первенство по снабженію степи средне-азіатскими тканями. Русскіе купцы ведутъ въ степи торговлю черезъ своихъ приказчиковъ, по прежнему татаръ, и эти послѣдніе быстро обогащаются. Грабежъ каравановъ также сильно тормозитъ торговлю. Очень часто изъ Семипалатинска въ Китай, для огражденія каравановъ, давались конвойные казаки сибирскаго казачьяго войска.

Но когда (со смертью предводителя большой орды, извѣстнаго Кмисари) политическія замѣшательства были улажены, а затѣмъ, спустя много времени, былъ заключенъ договоръ Россіи съ Китаемъ 4го августа 1881 года, внѣшняя торговля Семипалатинска возросла чуть не втрое.

Съ этого времени русскіе подданные пользуются правомъ безпошлинной торговли въ Монголіи, въ Тарбогатайскомъ, Кашгарскомъ, Урунційскомъ и прочихъ округахъ, лежащихъ на сѣверномъ и южномъ склонахъ Тянь-Шаньскаго хребта до великой стѣны.

Согласно договору, слѣдующіе предметы допускаются ко ввозу и вывозу безпошлинно: золото, серебро въ слиткахъ, иностранная монета, мука разныхъ сортовъ, сало, сухари, мясо и зелень, сыръ, масло, конфекты,

издѣлія ювелирныя, духи, мыло, уголь, свѣчи, табакъ, сигары, вино, пиво, стекло, хрусталь. Не допускаются ко ввозу и вывозу: порохъ, артиллерійскіе снаряды, всякое огнестрѣльное оружіе, соль и опіумъ.

Наши дешевыя бумажныя ткани идутъ въ Китай массами и сбываются отлично, вытѣснивъ англійскую мануфактуру. Втеченіе многихъ лѣтъ англичане поставляли прекраснаго качества бумажныя ткани, продавая ихъ въ убытокъ себѣ за половину номинальной цѣны, лишь бы закрѣпить за собою будущій успѣхъ сбыта. Но, несмотря на всѣ эти мѣры нашъ ситецъ и вообще вся бумажная мануфактура, имѣютъ нынѣ на своей сторонѣ огромный спросъ, благодаря дешевизнѣ и спеціально приноровленнымъ къ восточному вкусу рисункамъ тканей, которыя и заготовляются на московскихъ фабрикахъ подъ названіемъ азіатскаго товара.

Семипалатинскъ имѣетъ 32.000 жителей. Онъ дѣлится на четыре отдѣльныя части: собственно городъ, казачій форштадтъ, татарскую часть и зарѣчную слободу (населена исключительно киргизами).

Самая населенная часть—татарская, съ узкими улицами, очень аккуратными, частыми домами прекрасной архитектуры, главной мечетью (а таковыхъ 11, русскихъ церквей 3, но есть утвержденный проектъ постройки четвертой на базарѣ).

Въ центрѣ города: соборъ, гимназіи, банкъ, зданіе штаба, казармы и вообще всѣ присутственныя мѣста. Нѣсколько мощеныхъ улицъ, много каменныхъ домовъ, большое зданіе гостинаго двора съ разнообразными магазинами, довольно порядочная гостиница. Лучшій

въ городѣ домъ купца Плещеева и рядомъ выстроенная имъ-же на собственныя средства изящная часовня.

На большой площади огромное зданіе—магазинъ того-же купца Плещеева. Въ различныхъ его отдѣленіяхъ вы найдете все, что угодно, начиная съ мебели, посуды, бронзы, гастрономическихъ припасовъ, и кончая мануфактурой и дамскими нарядами Если спрашиваемаго товара, какой бы цѣнности онъ ни былъ, не окажется, его тотчасъ, по желанію вашему, выпишутъ изъ любого города Европейской Россіи. Цѣны крайне умѣренныя, товаръ прекраснаго качества, приказчики предупредительны и аккуратны въ выполненіи заказовъ. Самъ г. Плещеевъ почти ежегодно предпринимаетъ поѣздки по Европѣ, съ цѣлью ознакомленія и улучшенія своей торговли. Купленныя нами вещи въ магазинѣ г. Плещеева были прекрасными и въ Петербургѣ, съ тою лишь разницею, что стоимостью оказались гораздо дешевле.

Рынокъ изобилуетъ всякой живностью: огромныя стерляди, осетры, нельмы, корыши (видъ стерляди), ерши, всевозможная дичь—все это баснословной дешевизны; масса овощей, привезенныхъ изъ Ташкента, сухіе фрукты; урсокъ (абрикосы), вишни, яблоки, изюмъ безъ косточекъ, кишмишъ, миндаль, фисташки, орѣхи отъ 5—10 копеекъ за фунтъ, лучшій медъ въ сотахъ (изъ Лирсы, Семипалатинской области) отъ 4—6 рублей за пудъ—всѣмъ этимъ переполненъ рынокъ; въ сортовскихъ лавкахъ восточные ковры, шелки и всякія ташкентскія издѣлія.

При въѣздѣ въ городъ васъ непріятно поражаетъ отсутствіе растительности: ни садовъ, ни цвѣтниковъ, никакихъ почти признаковъ деревьевъ, не потому, что здѣсь деревья плохо растутъ; напротивъ, всѣ климатическія условія достаточно благопріятны: прекрасная, довольно ранняя весна, жаркое лѣто, безоблачное небо. ровная, хотя и холодная зима (рѣдко за 20 град.), многообильный водою Иртышъ,—всѣ эти условія должны способствовать хорошему росту деревьевъ, но сибирякъ, вообще, и казакъ, въ особенности, не любитъ заниматься тѣмъ, что не даетъ ему быстрой, видимой пользы.

Въ 3—4 верстахъ отъ города, у самаго Иртыша, раскинулось нѣсколько прекрасныхъ, съ огромными деревьями серебристаго тополя рощицъ, называемыхъ здѣсь островами. Есть острова: Лѣкарскій, Бабій, Полковничій, Скошинъ, Машковыни и др.

Всѣ они покрыты густою растительностью: жимолостью, кротегусомъ, ивой, шиповникомъ всѣхъ видовъ и цвѣтовъ, и проч. Кругомъ города, широкою полосою на 100 верстъ слишкомъ, тянется сосновый боръ; растетъ онъ, правда, вслѣдствіе песчаной мѣстности, медленно и негусто, но за то и вырубается безпощадно. Неподалеку отъ города—прекрасная дача г. Плещеева съ тѣнистыми аллеями, оранжереей, фруктовыми деревьями. Это единственная оранжерея, единственный фруктовый садъ. Сибирякъ не разводитъ и фруктовыхъ деревьевъ. Они требуютъ любви и ухода, а сибирякъ—казакъ, по своей необычайной лѣни и за собой-то ухаживать не умѣетъ. На одной изъ станицъ намъ перепрягали лошадей; вышелъ малый, довольно красивой наружности

(что здѣсь большая рѣдкость) молодой казакъ, съ грязнымъ лицомъ, въ неряшливомъ костюмѣ. На мой вопросъ,—„почему ты не моешь лица?“—казакъ отвѣтилъ (дѣло было въ ноябрѣ): „а вотъ весной пойдутъ ручьи—помоюсь.“

И такъ, городъ богатъ, никогда почти не имѣлъ дефицита, а всегда значительный остатокъ (рѣдкое исключеніе въ Россіи), но мало приспособленъ къ удобствамъ жизни, комфорту и европейскимъ нуждамъ. Никакой фабричной производительности; а между тѣмъ предпріимчивый умъ нашелъ бы массу не только необходимаго и полезнаго, но и могущаго дать хорошій доходъ. Такъ напр. черезъ р. Иртышъ нѣтъ моста (большой трактъ на Ташкентъ, Семирѣчье); сообщеніе съ зарѣчной слободой производится на паромѣ, который даетъ содержателю 5000 ежегоднаго чистаго барыша.

На 32.000 жителей одна только аптека и нѣтъ аптекарскаго магазина. Кокссы, палки отъ половыхъ щетокъ—все это привозится изъ городовъ Европейской Россіи. Пріѣхавшій въ городъ нѣмецъ скупалъ сырье (слегка солилъ и отправлялъ въ Берлинъ) для выдѣлки струнъ, и втеченіе двухъ лѣтъ получилъ чистаго дохода 50.000. Матеріалъ этотъ доставался ему на скотобойняхъ совершенно почти даромъ. На эту тему можно бы говорить очень много и долго, но ни мѣсто, ни время мнѣ этого не позволяютъ.

Изъ достопримѣчательностей есть только музей; онъ, правда, очень невеликъ, но собранъ съ любовью и умѣньемъ. Все, что составляетъ интересъ и имѣетъ азіатское происхожденіе, наполняетъ 3—4 его комнаты.

Особенно прекрасна коллекція бабочекъ, птицъ и рыбъ.

Осматривая музей въ послѣдней его комнатѣ, гдѣ помѣщается библіотека, мы столкнулись съ китайцемъ, мужчиною почтенныхъ лѣтъ, въ изящномъ національномъ костюмѣ

Нѣсколько минутъ онъ осматривалъ предметы, молча, но затѣмъ нашъ, пристально обращенный на него взглядъ заставилъ его обратиться на французскомъ языкѣ съ просьбою объяснить ему нѣкоторые предметы: и назвать тѣ бюсты, которыхъ онъ не знаетъ. На книжныхъ шкапахъ стояли очень плохой работы бюсты Гете, Шекспира, Пушкина, Глинки. Онъ не узналъ только бюстъ перваго. Крайне заинтересовавшись этимъ обстоятельствомъ, мы пригласили его къ себѣ на чашка чаю. Китаецъ былъ пріѣзжій и остановился лишь на одинъ день.

Во ста шагахъ отъ музея находилась наша квартира, любезно предложенная намъ, въ день нашего пріѣзда, войсковымъ старшиною Власовымъ.

Прекрасный каменный домъ, большія высокія комнаты, зеркала, мягкая мебель, много цвѣтовъ на окнахъ, чистота и комфортъ невольно переносили насъ въ лучшіе города Европейской Россіи. Совершенно устроенная квартира (какъ рѣдкость въ Сибири) тѣмъ болѣе была намъ пріятна, что мы расчитывали прожить въ городѣ около года, да и домохозяинъ со своей семьей былъ пріятной находкой. Онъ оказался довольно извѣстнымъ человѣкомъ по разграниченію нашей китайской границы, да и вообще большимъ знатокомъ всѣхъ условій

страны, гдѣ онъ выросъ и состарился, которую изучалъ, правда, по своему, но, тѣмъ не менѣе, онъ являлся живымъ историческимъ матеріаломъ. Скажу о немъ нѣсколько словъ, какъ о рѣдкомъ типѣ.

Происходя отъ бѣдной семьи, г. Власовъ не получилъ никакого образованія.

Будучи простымъ казакомъ и научившись грамотѣ, онъ принялся за изученіе труднаго китайско-манджурскаго языка. Часто сталкиваясь съ китайцами и одолѣвъ ихъ языкъ, Власовъ, неглупый отъ природы, сталъ необходимымъ въ войскѣ:—онъ, какъ переводчикъ, сопровождалъ караваны, выполнялъ самостоятельно разныя порученія. Долгое время Власовъ былъ въ плѣну у китайцевъ, гдѣ перенесъ пытки, ожидая ежеминутно смерти; только благодаря случаю и своей находчивости, онъ съумѣлъ спастись, вернувшись въ Семипалатинскъ къ женѣ, которая, втеченіе многихъ лѣтъ, считала его погибшимъ. Власовъ участвовалъ въ туркестанскихъ походахъ, въ одной ученой экспедиціи, въ коммиссіи по разграниченію Китая съ Западной Сибирью, и въ послѣдніе годы своей службы, утомившись передвиженіемъ, служилъ переводчикомъ при губернаторѣ, зная также и киргизскій языкъ. Нынѣ въ отставкѣ. Войсковой старшина (подполковникъ) Власовъ, атлетъ по сложенію и здоровью, состоятельный человѣкъ, до того хорошо знаетъ карту Западнаго Китая и прилегающей къ ней Сибири, что съ мельчайшими подробностями можетъ познакомить васъ съ любой ея мѣстностью. Очень любитъ политику, слѣдитъ за теченіемъ азіатскихъ дѣлъ и съ любовью и интересомъ разсказываетъ

о своемъ прошломъ, полномъ живого интереса. Вотъ этого-то самаго г. Власова (жившаго въ нижнемъ этажѣ нашего дома) мы тоже пригласили пить чай вмѣстѣ съ китайцемъ.

Послѣдній не заставилъ себя долго ждать и въ 5 часовъ вечера пріѣхалъ.

Изысканныя манеры, утонченная вѣжливость, необыкновенное изящество движеній китайца невольно обращали на себя вниманіе.

— Вы въ первый разъ въ Россіи?

— О нѣтъ, мы считаемъ Россію единственнымъ государствомъ на земномъ шарѣ (Власовъ сказалъ, чтобы мы не удивлялись, такъ какъ китаецъ—льстецъ).

— Послѣ Китая, прибавила я.

Нашъ собесѣдникъ всталъ и почтительно поклонился.

— А Англія, Франція, вся Европа?

— Въ лицѣ Европы мы признаемъ только Россію; англичанъ знаемъ торговцами опіума, французовъ—миссіонерами,—одни разрушаютъ наше здоровье, другіе путаютъ наши мысли.

Наша сила и стремленіе заключаются въ нашей самобытности. Мы никого къ себѣ не зовемъ и ни у кого учиться не желаемъ. Всѣ иностранцы, пріѣзжающіе въ Китай, имѣютъ въ виду только наживу, презираютъ насъ за наше недовѣріе и патріотизмъ, называютъ варварами, необразованными и дикими.

Власовъ сказалъ (по русски), что китаецъ самъ никому не вѣритъ, ничему не удивляется и ни одному иностранцу не говоритъ правды.

— Мы не знаемъ западной цивилизаціи, продолжалъ китаецъ:—говорятъ, что отличительная черта ея—вторженіе, исходная точка—заимствованіе. Мы не находимъ это хорошимъ.

Китайцы стремятся къ счастью и понимаютъ прогрессъ, какъ средство, дающее миръ и уничтожающее войну. Война—это бичъ человѣчества, и въ тотъ день, когда Китай убѣдится, что прогрессъ и цивилизація избавятъ его отъ этой бѣды и не внесутъ съ собою новыхъ несчастій, въ тотъ день онъ съ радостью станетъ на сторону нововведеній, сразу подчинится духу времени. Иностранцы привезли къ намъ оружіе—мы ищемъ мира.

Развѣ средства къ облегченію и ускоренію военныхъ дѣйствій—распространеніе оружія?..

У насъ семейство есть основаніе, на которомъ построено все соціальное и правительственное зданіе. Мы живемъ по изреченію Конфуція, который говоритъ: «для того, чтобы управлять государствомъ, надобно сперва научиться управлять своей собственной семьей». Всѣ члены китайской семьи обязаны жить вмѣстѣ и помогать другъ другу.

Мужчина и женщина имѣютъ въ Китаѣ свои, строго раздѣленныя, обязанности и поэтому воспитываются совершенно различно: одни пріучаются къ внѣшней жизни, другія къ внутренней, домашней. Семейная жизнь формируетъ китаянку, которая стремится достичь совершенства только въ искусствѣ управлять семьею.

— А какъ у васъ земледѣліе?

— Оно въ большомъ почетѣ. Небо и земля всегда состовляли цѣль стремленій человѣка,— небо для мысли и земли для труда. Наше населеніе дѣлится на 4 класса: ученыхъ, земледѣльцевъ, фабрикантовъ и купцовъ. Ученые занимаютъ первое мѣсто, какъ мыслители; земледѣльцы — второе, какъ классъ питающій остальное населеніе; фабриканты пользуются уваженіемъ, а купцы занимаютъ послѣднее мѣсто.

— А какъ у васъ поставлено дѣло грамотности, образованія, имѣются-ли библіотеки и газеты?

— Грамотность повсемѣстна, высшее образованіе принадлежитъ аристократіи, а относительно публицистики у насъ нѣтъ ничего похожаго на европейскую газету. Свобода печати не признается, политической газеты не существуетъ, если не считать «Пекинскую Газету», правительственный органъ, издаваемый подъ цензурою «Совѣта цензоровъ». Обязанность этого «Совѣта» состоитъ въ подробномъ донесеніи императору объ общественномъ мнѣніи, господствующемъ въ различныхъ сословіяхъ. Донесенія эти и составляютъ содержаніе этой газеты. Указанный мною совѣтъ составляется изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ всѣхъ провинцій. Иностранцы издаютъ газеты, но ихъ мы не читаемъ. Народу совершенно чужды политическія событія.

— Какъ ваша религія? Вѣдь миссіонеры распространяютъ христіанство очень успѣшно, обращаютъ по 10,000 въ годъ.

— Это невѣрно. У насъ господствуетъ религія, или вѣрнѣе философія Конфуція. Онъ жилъ въ VI

вѣкѣ до Р. Х. и оставилъ по себѣ такую славную память что нѣтъ провинціи, гдѣ бы не было храма въ честь его. Философія его заключается въ воспитаніи сердца человѣка. Конфуцій говоритъ, что гуманный идеалъ человѣческаго сердца—это справедливость, но пять чувствъ отдаляютъ его постоянно отъ достиженія этого идеала. Чтобы управлять этими чувствами, надобно достигнуть самоуваженія и религія Конфуція учитъ этому.

Кромѣ этой религіи, въ Китаѣ существуетъ еще религіозная система Лао-Тзе, исповѣдуемая только въ низшихъ классахъ, а затѣмъ религія Фо, или буддизмъ. Она учитъ, что матеріальный міръ—иллюзія и человѣкъ долженъ уединиться среди окружающей природы, чтобы поклоняться Богу, т. е. существу духовному. Монахи-буддисты, живущіе въ монастыряхъ, очень богаты.

Цѣль такого идеальнаго существованія—экстазъ: божественный принципъ овладѣваетъ душою человѣка, проникаетъ въ нее, а смерть довершаетъ этотъ мистическій союзъ человѣка съ божествомъ. Вотъ принципы этой, чисто отвлеченной, религіозной системы, имѣющей свои алтари, храмы и чрезвычайно торжественный культъ.

«Кромѣ чисто религіознаго культа, у насъ есть еще обрядъ глубоко-укоренившійся и строго выполняющійся—это обрядъ почитанія предковъ.

Это почитаніе также обязательно, какъ молитва у христіанъ. У насъ нѣтъ болѣе популярнаго обряда. Каждое семейство чтитъ своихъ предковъ, имена коихъ написаны на таблицахъ; тутъ-же значатся заслуги, оказанныя ими отечеству, ихъ титулы и подвиги. Таблички

эти располагаются въ хронологическомъ порядкѣ. Въ память предковъ воздвигаются зачастую храмы, гдѣ берегутся эти таблицы. Здѣсь, въ назначенные дни, собираются всѣ члены семьи для поминанія умершихъ и воздаянія должныхъ почестей ихъ памяти.

У богатыхъ семействъ храмы устроены въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что въ нихъ могутъ помѣщаться цѣлыя семьи и останавливаться тамъ, если пріѣзжіе изъ другихъ городовъ прибыли только для выполненія обряда почитанія предковъ.

Кладбища устраиваются на высокихъ горахъ — какъ можно ближе къ небу. По нашимъ понятіямъ, смерть не разрываетъ любви, соединяющей членовъ семьи при жизни: она санкціонируетъ.

Вообще, нашъ образъ жизни сильно разнится отъ европейскаго. Китайцы, имѣющіе состояніе, не ищутъ развлеченій внѣ дома. Жилища наши устроены съ замѣчательнымъ комфортомъ, окружены прекрасными садами, съ уютными и красивыми кіосками, великолѣпными цвѣтниками, чарующими глазъ. Внутри дома все приспособлено къ удобствамъ семейной жизни; по большей части, въ одномъ и томъ-же домѣ живутъ по нѣсколько поколѣній.

— А какъ веселятся китайцы?

— Такъ же, какъ и въ Европѣ: собираются по случаю рожденій, даютъ пиры, обѣды, обмѣниваются подарками. Кромѣ того, въ большомъ ходу народные праздники: праздникъ фонарей, лодокъ, драконовъ, бумажныхъ змѣй. Празднуютъ также дни цвѣтовъ: у каждаго цвѣтка есть свой день; имъ приписываютъ цѣлебныя свойства.

Семьи приглашаютъ одна другую полюбоваться вмѣстѣ на красивый цвѣтокъ, живописный пейзажъ, на поэтическій свѣтъ луны. Лѣтомъ дѣлаются экскурсіи. Чаще всего отправляются въ буддійскіе монастыри, гдѣ можно найти все, что угодно, Монахи-буддисты въ совершенствѣ обладаютъ талантомъ принимать у себя гостей и организовать различныя parties de plaisir.

Китайцы также много путешествуютъ и на лодкахъ, и въ паланкинахъ. Лодки, на которыхъ совершаются прогулки и путешествія, снабжены всѣми удобствами: обѣдъ, постель, ванна, музыкальные инструменты, книги, картины, шашки, кости, въ которыя любители проигрываютъ цѣлыя состоянія. Вечеромъ эти лодки иллюминуются, и ничего нѣтъ поэтичнѣе этихъ тѣней, скользящихъ во мракѣ ночи по зеркальной водѣ.

Женщины-китаянки на увеселительныя собранія не допускаются — мущины собираются одни и дамамъ визитовъ не дѣлаютъ».

Выслушавъ все это, Власовъ вступилъ съ китайцемъ въ горячій разговоръ, доказывая послѣднему, что его соотечественники далеко не отличаются семейными добродѣтелями и что зажиточный китаецъ рѣдко довольствуется домашними удовольствіями и весь свой досугъ отдаетъ уличной жизни, посѣщая рестораны, театры (излюбленное удовольствіе) и разныя увеселительныя мѣста. Театры бываютъ преимущественно днемъ. Сценическое искусство находится въ первобытномъ состояніи; двусмысленности и мимика доведены до совершенства и преобладаютъ. Моему гостю такой споръ не понравился; онъ принялся за чай и сталъ насъ учить,

какъ слѣдуетъ его пить и заваривать. На чайномъ столѣ стояла жестяная чайница; красиво расписанный на ней рисунокъ изображалъ китаянку въ паланкинѣ.

Взглянувъ на нее китаецъ неск:занно обрадовался, говоря: «наша императрица, насъ знаетъ весь свѣтъ» и т. д.

Чай съ ромомъ пришелся, видимо, ему по вкусу. Выпивъ чашекъ десять чаю, онъ молча сталъ разсматривать картины, украшавшія стѣны нашей квартиры, и закончилъ такъ:

— Да, живопись у васъ, европейцевъ, стоитъ несравненно выше нашей, а фотографія превосходитъ всѣ искусства. Въ знакъ памяти и удовольствія моей съ вами бесѣды я позволю себѣ нарисовать вамъ на листѣ бумаги нѣсколько вещей, напишу два-три стиха и вашу фамилію, чтобы по пріѣздѣ въ Китай вы могли написать ее по китайски на своей визитной карточкѣ и доставить нашимъ высшимъ властямъ величайшее удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ. У насъ буквы *р* нѣтъ, и вашу фамилію легко писать и произносить.

Мой мужъ далъ нашему гостю китайскую кисть, тушь и акварельныя краски. Рисунокъ вышелъ, правда, довольно плохъ, но крайне оригиналенъ, а наша фамилія заняла нѣсколько строкъ.

— Итакъ, до пріятнаго свиданія въ Китаѣ.

На этомъ и кончился его продолжительный визитъ, давшій намъ такъ много интереснаго матеріала о Китаѣ для дальнѣйшаго и болѣе удобнаго съ нимъ ознакомленія въ недалекомъ будущемъ.

Меня поразила китайская вѣжливость, хотя я знаю, что когда народъ долго и много жилъ, онъ знаетъ, что для упроченія отношеній всего необходимѣе не братская любовь, не взаимное уваженіе, не строгая справедливость—вещи трудно достижимыя въ общежитіи—а то внѣшнее равенство и услужливость, которыя характеризуютъ вѣжливость,—и китаецъ вѣжливъ,—хотя, на-ряду съ этимъ, высокомѣренъ, себялюбивъ, тщеславенъ и раболѣпенъ.

Отличительная черта китайцевъ — аккуратность. Какъ примѣръ этому, разсказываетъ эсаулъ графъ В. Разводовскій, много разъ командированный въ Китай, слѣдующее: «Въ 1884 году, состоя при консульствѣ (со своей сотней для охраны послѣдняго), я былъ посланъ нашимъ генералъ-губернаторомъ изъ Кашгара въ Хотанъ, для разслѣдованія убійства нашего подданнаго, очень богатаго человѣка, и для пріема оставшагося послѣ его смерти имущества. Пріѣхавъ въ Хотанъ съ наслѣдникомъ убитаго и остановившись на отведенной квартирѣ, я немедленно отправился къ градоначальнику, отъ котораго узналъ, что слѣдствіе—лишнее, такъ какъ преступникъ уже разысканъ, закованъ (по китайскимъ законамъ) въ кандалы и содержится подъ стражей.

Убійца, тоже русскій подданный, совершилъ преступленіе съ цѣлью отдѣлаться отъ назойливаго кредитора, которому онъ былъ долженъ большую сумму денегъ. Отрубленная голова была зарыта невдалекѣ отъ его квартиры, а туловище отвезено за городъ и брошено въ укромное мѣсто.

Китайцы немедленно принялись за розыскъ, и узнавъ, что оба—русскіе подданные, сообщили нашимъ властямъ, приготовивъ для сдачи: трупъ, убійцу и все имущество.

Оставалось приступить къ пріему этого имущества. У воротъ дома убитаго стоялъ часовой, китайскій солдатъ. Сопровождавшій насъ китайскій чиновникъ подалъ знакъ—насъ пропустили. Чиновникъ, отворивъ дверь одной изъ комнатъ, указалъ намъ на столъ, на которомъ лежали голова и туловище убитаго, тщательно зашитыя въ плотную кожу (какъ нѣкоторое предохраненіе отъ быстраго разложенія) а затѣмъ. передавъ списокъ всего движимаго имущества, сталъ сдавать все по очереди, отворяя комнаты.

Начиная съ ямбъ*, которыхъ было на сумму 150,000 рублей, драгоцѣнностей, ковровъ, шелковыхъ тканей, разной богатой утвари и кончая самыми ничтожными вещами—тряпками, перьями, карандашами, пустыми банками—все до мельчайшихъ подробностей было разсортировано, внесено въ списокъ, сложено отдѣльно, опечатано и охранялось часовымъ.

Большой трудъ сортировки, переписки всего имущества, не говоря уже объ охранѣ его, требовалъ немало времени и людей, и никакого за это вознагражденія никто не спрашивалъ. Таковъ китаецъ во всемъ: точенъ, аккуратенъ, до крайности строгъ въ отношеніи сбереженія чужой собственности».

Не смотря на всѣ эти особенности, китайцы отличаются жестокосердіемъ, строгостью законовъ и полнымъ равнодушіемъ къ жизни.

* Монета: кусокъ высокопробнаго серебра, стоимостью отъ 105—137 рублей каждый.

«Во время моего годового пребыванія въ Кашгарѣ, продолжаетъ графъ В. Разводовскій,—я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго: по четвергамъ, въ базарные дни, на главную площадь вывозятъ всѣхъ преступниковъ, пойманныхъ за послѣднюю недѣлю и осужденныхъ.

Среди массы двигающагося народа, обыкновенно, ставятъ клѣтку, въ которой несчастный осужденный въ невыразимыхъ мукахъ умираетъ въ теченіе трехъ-четырехъ дней. Клѣтка эта устроена такимъ образомъ: руки несчастнаго связаны назадъ, голова продѣта въ отверстіе деревяннаго круга, плотно охватывающаго шею, ноги же касаются большими пальцами дна клѣтки. Если бы осужденный опустилъ на полъ ступни, то задохнулся-бы немедленно. Инстинктивное чувство самосохраненія заставляетъ этого мученика все время держаться на цыпочкахъ. Такая мученическая смерть наступаетъ, обыкновенно, черезъ два-три дня и налагается на исключительныхъ преступниковъ за особо тяжкія преступленія. Въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ производятся пытки, наказуемаго ставятъ колѣнями на раскаленныя желѣзныя опилки; свидѣтелей, хотя-бы случайныхъ и вовсе неповинныхъ, подвергаютъ также пыткамъ.

Второй разрядъ наказанія состоитъ въ обезглавленіи, причемъ голова ставится въ клѣтку и выносится на площадь; къ клѣткѣ привѣшивается описаніе преступленія на мѣстномъ нарѣчіи.

Далѣе на площади сидятъ и стоятъ преступники съ продѣтой головой въ отверстіе тяжеловѣсной доски. Переползая съ одного мѣста площади на другое, эти

послѣдніе, питаясь подаяніемъ, остаются въ такомъ видѣ по мѣсяцу—это дисциплинарный родъ наказанія, замѣняющій въ западномъ, пограничномъ съ Россіей, Китаѣ тюремное заключеніе. Послѣдняго въ Китаѣ нѣтъ.

Все это происходитъ на глазахъ ничего не замѣчающей, шумящей, веселой, совершенно индеферентной къ этимъ ужасамъ толпы. Приставленные часовые, накурившіеся опіума, спятъ; мальчишки издѣваются, толпа хохочетъ, кругомъ веселая торговля, разгульная жизнь...»

На эту тему можно многое написать, но рука не подымается, когда подумаешь обо всѣхъ этихъ ужасахъ, испытываемыхъ человѣкомъ въ нашъ вѣкъ, когда уже и въ Китай, при всей его замкнутости, проникаетъ много европейскаго.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
„ " 193 г.